

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск VI

Русский бог войны: исследования и источники по истории отечественной артиллерии

ЧАСТЬ III

Санкт-Петербург
2017

Редакция журнала:
К.В. Нагорный
В.В. Пенской
А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук О.В. Ковтунова
кандидат исторических наук А.Н. Лобин
кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков
кандидат исторических наук Е.И. Юркевич
Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск. VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии — Ч. III. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_6>

MILHIST

INFO

УДК 94(47).04=161.1(045)'+'(470.2)
ББК 63.3(2)46

Курбатов О.А. Организация осадного парка и инженерно-артиллерийского дела русской армии в 1630-1650-х гг.

В статье рассмотрены особенности осадной артиллерии и инженерного дела во время боевых действий 1630-1650-х гг. На основе сравнения с военным делом Нидерландов, Франции, Англии и Швеции показано влияние европейских идей на основные принципы организации артиллерийского корпуса в России XVII в. Подробно освещены вопросы структуры инженерно-артиллерийских корпусов в Смоленскую войну 1632-1634 гг., межвоенный период 1634-1653 гг. и в походах 1654-1656 гг.

Ключевые слова: XVII в., Россия, артиллерия, большой наряд, полк Грановского, фортификация, Смоленская война 1632-34 гг., война 1654-1667 гг.

Автор: Курбатов Олег Александрович. Окончил Факультет архивного дела Российского государственного гуманитарного университета, в 2003 г. – аспирантуру Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук: «Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII в. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х – 1660-х гг.» С 1999 г. – сотрудник Российского государственного архива древних актов. Область научных интересов: военная история XVI–XVII вв. olegkurbatov@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Пахомов И.Н. Пищальники Василия III // Цейхгауз: Военно-исторический журнал. — 2002. — № 20 (4/2002).

Parrott D. Richelieu's Army: War, Government and Society in France, 1624-1642. — Cambridge, 2001.

Pioniere, Pioniertruppen // Wörterbuch zur Deutschen Militärgeschichte. — Berlin, 1985. — Bd. 2.

Лапшов С.П. [Польско-шведские войны 1621-1622 и 1626-1629 годов: Армии противников.](#) (на правах рукописи).

Herbst S. Wojna inflancka 1600-02. — Zabrze, 2006.

Young P. The English Civil War. — Lnd., 1973.

Wimmer J. Wojsko polskie w drugiej polowie XVII wieku. — Warszawa, 1965.

- Brzezinski R. The army of Gustavus Adolphus. — Ldn., 1993. — Vol. 2.
- Picard E. L'artillerie française au XVIIIe siècle. — Berger-Levrault, 1906.
- Скобелкин О.В. Западноевропейцы на русской военной службе в XVI – 20-х гг. XVII в. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. — Воронеж, 2015.
- Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: Идеиные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2009. — Вып. 1.
- Лавис Д. Голландская крепость в русском городе // Голландская крепость в русском городе: Сборник статей. — М., 2014.
- Бакланова Н.А. Ян де Грон – прожектор в Московском государстве XVII века // Ученые записки Московского института истории. — М., 1929. — Т. 4.
- Курбатов О.А. Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656-1658 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2014. — Вып. 3
- Hedberg J. Kunglig Artilleriet: Carl X Gustafs tid. — Kristianstad, 1982.
- Лобин А.Н., Смирнов Н.В. [Борьба за Юрьев Ливонский в годы русско-шведской войны 1656-1658 гг.](#) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая Международная научно-практическая конференция, 18-20 мая 2011 года. — СПб., 2011. — Ч. I.
- Марголин С.Л. [Вооружение стрелецкого войска](#) // Военно-исторический сборник Государственного Исторического музея. — М., 1948 (Труды ГИМ. Вып. XX).
- Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656-58 гг. // Архив русской истории: Сборник Российского государственного архива древних актов. — М., 2007. — Вып. 8
- Курбатов О.А. Русско-шведская война 1656-58 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. — М., 2002.
- Gründliche und warhaftige Relation von der Belagerung der Konigl. Statt Riga in Liefland. — Riga, 1657.
- Englund P. Nepřemožitelný Historie první severní války. — Praha, 2003.
- Левыкин А.К. Пушечный наряд и пушкари во второй пол. XVII в. в России (По материалам южнорусских городов): Дисс. канд ист. наук. — М., 1985.
- Фельдман Д.З. Редкий документ о службе выкреста-еврея в русской армии во второй половине XVII в. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2009. — Вып. 1.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2017/03/16/kyrbatov_6

Ссылка для печатных изданий:

Курбатов О.А. Организация осадного парка и инженерно-артиллерийского дела русской армии в 1630-1650-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. — Ч. III. — С. 237-340 <http://www.milhist.info/2017/03/16/kyrbatov_6> (16.03.2017).

Kurbatov O. The organization of the Siege Park, engineering and artillery setting of the Russian army, 1630-50s

The article looks at the development and organization of the Siege Park, engineering and artillery of the Russian army, 1630-50s, in comparing analysis with the similar military settings existing in the Netherlands, France, England and Sweden; dwells on the influence of the European military art upon the Russian artillery and engineering corps. The author specifically analyzes the Smolensk war, 1632-34, the 1634-53 interwar period, and the use of artillery during the Russo-Polish war, 1654-56.

Keywords: XVII; the Muscovy; artillery; fortification; the Smolensk war; the Russo-Polish war

Author: Oleg A. Kurbatov, Ph.D. (2003), is a graduate from the Russian State Humanitarian University; he is currently working as a research fellow at the Russia State Archive on Ancient Manuscripts (RGADA). He specializes in the Muscovy's military history of the sixteenth and seventeenth centuries. olegkurbatov@yandex.ru

References:

- Pahomov I.N. Pishchal'niki Vasilija III [Pyshchal'nyky Vasily III] // *Cejhgauz: Voенно-istoricheskij zhurnal*. — 2002. — № 20 (4/2002).
- Parrott D. *Richelieu's Army: War, Government and Society in France, 1624-1642*. — Cambridge, 2001.
- Pioniere, Pioniertruppen // *Wörterbuch zur Deutschen Militärgeschichte*. — Berlin, 1985. — Bd. 2.
- Lapshov S.P. [Pol'sko-shvedskie vojny 1621-1622 i 1626-1629 godov: Armii protivnikov](#) [The Polish-Swedish war 1626-1629 and 1621-1622]. (na pravah rukopisi).
- Herbst S. *Wojna inflancka 1600-02*. — Zabrze, 2006.
- Young P. *The English Civil War*. — Ldn., 1973.
- Wimmer J. *Wojsko polskie w drugiej polowie XVII wieku*. — Warszawa, 1965.
- Brzezinski R. *The army of Gustavus Adolphus*. — Ldn., 1993. — Vol. 2.
- Picard E. *L'artillerie française au XVIIIe siècle*. — Berger-Levrault, 1906.
- Skobelkin O.V. *Zapadnoevropejcy na russoj voennoj sluzhbe v XVI – 20-h gg. XVII v.* [Western Europeans on Russian military service in the XVI – beginning of XVII century] *Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk*. — Voronezh, 2015.
- Kurbatov O.A. *Reorganizacija russoj konnicy v seredine XVI v.: Idejnye istochniki i celi reform carskogo vojska* [The reorganization of the Russian cavalry in the middle of the XVI century] // *Edinorog: Materialy po voennoj istorii Vostochnoj Evropy jepohi Srednih vekov i Rannego Novogo vremeni*. — M., 2009. — Vyp. 1.
- Lavis D. *Gollandskaja krepost' v russkom gorode* [The Dutch fortress in the Russian town] // *Gollandskaja krepost' v russkom gorode: Sbornik statej*. — M., 2014.
- Kurbatov O.A. *Oчерk istorii konnyh polkov «novogo stroja» russoj armii ot nachala ih sushhestvovanija do okonchanija russo-shvedskoj vojny 1656-1658 gg.* [Essay on the history of cavalry regiments of the "new system" of the Russian army from the beginning of their existence until the end of the Russo-Swedish war of 1656-1658] // *Edinorog: Materialy po voennoj istorii Vostochnoj Evropy jepohi Srednih vekov i Rannego Novogo vremeni*. — M., 2014. — Vyp. 3
- Hedberg J. *Kunglig Artilleriet: Carl X Gustafs tid*. — Kristianstad, 1982.
- Lobin A.N., Smirnov N.V. [Bor'ba za Jur'ev Livonskij v gody russo-shvedskoj vojny 1656-1658 gg.](#) [The struggle for the Livonian Yuriev during the Russian-Swedish war of 1656-1658] // *Vojna i oruzhie: Novye issledovanija i materialy. Vtoraja Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija, 18-20 maja 2011*

goda. — SPb., 2011. — Ch. I.

Kurbatov O.A. Organizacija i boevye kachestva ruskoy pehoty «novogo stroja» nakanune i v hode rusko-shvedskoj vojny 1656-58 gg. [Organization and military qualities of the Russian infantry "new system" before and during the Russian-Swedish war of 1656-58] // Arhiv ruskoy istorii: Sbornik Rossijskogo gosudarstvennogo arhiva drevnih aktov. — M., 2007. — Vyp. 8

Kurbatov O.A. Russko-shvedskaja vojna 1656-58 gg.: problemy kritiki voenno-istoricheskikh istochnikov [The Russian-Swedish war of 1656-58] // Rossija i Shvecija v srednevekove i novoe vremja: arhivnoe i muzejnoe nasledie. — M., 2002.

Gründliche und warhaftige Relation von der Belagerung der Konigl. Statt Riga in Liefland. — Riga, 1657.

Englund P. Nepřemožitelný Historie první severní války. — Praha, 2003.

Internet link:

http://www.milhist.info/2017/03/16/kyrbatov_6

Reference:

Kurbatov O. The organization of the Siege Park, engineering and artillery setting of the Russian army, 1630-50s [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2017. — Special edition VI. Russian "God of War": studies and sources on the history of Russian artillery — Vol. III. — P. 237-340 <http://www.milhist.info/2017/03/16/kyrbatov_6> (16.03.2017).

О.А. Курбатов

ОРГАНИЗАЦИЯ
ОСАДНОГО ПАРКА
И
ИНЖЕНЕРНО-
АРТИЛЛЕРИЙСКОГО
ДЕЛА
РУССКОЙ АРМИИ
В 1630–1650-х гг.

К XVII веку история полевой или «полковой» службы инженеров и мастеров-артиллеристов русской армии разменяла уже второе столетие. Известно, что еще Аристотель Фиорованти, знаменитый архитектор и основатель Пушкарского двора в Москве, принимал участие в военных походах великого князя Ивана III¹; при взятии Казани в 1552 г. отличился подкопный мастер «*немчин розмысл*» со своими учениками². Всего через 10 лет, в начале Полоцкого похода (1563 г.) вновь упоминаются «*размысл и фрязы*» (то есть инженер и итальянцы-специалисты), под руководством которых изготовлялись щиты для прикрытия осадных работ³. Однако в отношении данного вопроса наши источники от XVI столетия по большей части отрывочны и не позволяют провести каких-либо наблюдений насчет организации подобного «инженерного корпуса» или его персонального состава. Первый период, характеризующийся наличием репрезентативного корпуса сохранившихся документов, — это вторая четверть XVII века, после Московского пожара 1626 г. В иностранной военно-исторической литературе специфика организации подобных отрядов в первой половине XVII века также в достаточной мере освещена, что дает возможность рассмотреть вопрос аналогий и образцов для российского военного дела. В данном очерке мы остановимся не только на особенностях структуры инженерного корпуса, но и на принципах организации осадной артиллерии в целом за период 1632–1656 гг.

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15–01–00464 «Обряд войны: воинские традиции и обычаи в Московской Руси XV — XVII вв.»

Основные принципы организации инженерных войск и осадного артиллерийского корпуса в первой половине XVII века

Осады крепостей в XVI столетии превратились в основную форму боевых действий: армии противников либо пытались овладеть тем или иным городом, либо снять осаду и оказать помощь осаждённым. Это резко увеличило роль осадной артиллерии, обозной службы, пехоты, минеров и прочих технических специалистов; коннице же, напротив, доставались всё больше вспомогательные задачи вроде сторожевой службы и охраны конвоев с амуницией. С развитием 80-летнего конфликта между испанскими католиками и протестантами из Северной Европы и Германии (1568–1648 гг.) боевые действия в Нидерландах превратились в школу военного искусства для представителей обоих лагерей, а до того осадное дело интенсивно развивалось в ходе Итальянских войн между французами и войсками Габсбургов (1494–1559 гг.).

В результате довольно бурного развития сформировались две основные модели организации осадного парка, образцы которых в том числе стали появляться и в различных восточноевропейских армиях. С одной стороны — «французская» модель, условно назовём ее так исходя из терминологии и типологического сходства. Во Франции эпохи кардинала Ришелье артиллерия с ее осадным обозом имела собственную администрацию, а в период кампании ее руководитель подчинялся непосредственно командующему армией. Это, кстати, создавало непреодолимое препятствие для организации полковых артиллерийских команд в пехоте (по образцу шведской армии)⁴. Таким же образом непосредственно штабу армии подчинялись и военные инженеры, и представители других «научных» профессий: картографы, специалисты саперного и минерного дела, и т.п. Эти должности не считались престижными в дворянской среде, поэтому их носители не имели признанных военных званий, оставаясь чаще всего наемными гражданскими специалистами. Кроме того, для проведения осадных работ специально нанимались рабочие с разнообразным шанцевым инструментом, но без оружия. За этими нестроевыми было закреплено название «пионеров» (*pionnier* — «первопроходец», в шахтах на рудниках), или, в ряде германских армий, «шанцекопов»⁵. Дело в том, что к осадным работам действительно стремились привлекать шахтеров⁶.

В частности, при осаде Риги в 1621 г. минные галереи у шведов прокладывали опытные саперы-рудокопы — солдаты из Далекарлийского земельного полка⁷.

Образцовый во всех отношениях осадный корпус армии Морица Оранского к 1605 г. включал в свой состав:

- 14 стенобитных орудий (картаун калибром 48 фунтов и полукартаун калибром 24 фунта);
- 316 лошадей в упряжке (вкл. запасные пары);
- 390 повозок;
- 30 канониров;
- 300 матросов в качестве орудийной прислуги;
- многочисленный инженерный персонал, включая петардщика и мастер-фейерверкера (мастера огнестрельного дела).

В польской армии в 1602 г. гетман великий Ян Замоиский для своего генерального наступления против шведов в Ливонии нанял всего трёх-четырёх военных «инженеров»: капитана Жана де ла Бланка (затем вместо него Жана Феррарио), Жана Баптиста Берселези и Роберта Конигама. Как видим, из четверых иностранцев трое — итальянцы и французы, а один — шотландец. Им, естественно, подчинялись рабочие из нестроевых. Состав осадного парка на бумаге выглядел следующим образом:

- 30 «проломных» орудий и 6 мортир;
- 600 лошадей с возницами;
- 84 пушкаря (и мастера, и их челядники);
- 95 чел. вспомогательного персонала: ремесленники (каретные и колёсные мастера, столяры, кузнецы, слесарные мастера, подкопные мастера (шахтеры) и даже цирюльники), а также пахолки профоса⁸.

Со временем корпус инженеров в европейских армиях стал расширяться, а род занятий отдельных его представителей — специализироваться. Так, в 1642 г. в начале Гражданской войны в Англии «Артиллерийский обоз» или «парк» (*Artillery Train*) парламентской армии лорда Эссекса был отдан под начало его генерал-лейтенанта Филиппа Эмануэля дю Буа (*du Boys*). Помимо пушек и канониров этому французу были подчинены 600 чел. пионеров, а также свыше 40 офицеров и 100 драгун с кремневыми мушкетами для охраны. Среди начальных людей

«обоза» графа Эссекса мы находим нескольких инженеров и комиссаров, а также профоса, надзирателей над артиллерией (*Gentlemen-of-the-Ordnance*), фейерверкеров (мастеров огнестрельного дела), батареинного мастера и мастера по постройке мостов⁹. Примерно так же был устроен осадный парк армии короля Чарльза I, а затем парламентской армии «Новой модели».

Аналогичным образом известный польский инженер и архитектор Кшиштоф Арцишевский, реформируя инженерный корпус коронной армии по голландскому образцу (к 1647 г.), разработал следующий особый штат офицеров, подчиненных «старшему над арматой». Помимо начальников местных цейхгаузов и крепостных инженеров в штаб «генерала коронной артиллерии» вошли подполковник (оберштер-лейтенант), капитан артиллерии и инженер артиллерии, а также 4 *edelman*'а (букв. — «дворянина»), или поручика. На постоянном довольствии состояли 42 пушкаря и 29 их помощников.

Инженерный корпус: баумистр (начальник по строительству), минер, 4 фейерверкера, 1 петардщик, 1 *rytownik* (рисующий на месте планы и карты, то есть чертежник и квартирмейстер).

Вспомогательный состав: 2 оружейника, 2 слесаря, 1 кузнец, 1 колесный мастер, 2 плотника, 1 ремесленник — изготовитель фитиля, а также сторож и профос¹⁰.

Подобные штаты, судя по всему, существовали и в ряде других армий, но зачастую реально заполнялись только на время боевых действий: содержать весь набор подобных специалистов в мирное время считалось излишним, не говоря уж о нестроевых рабочих.

Другой, несколько модернизированный вариант организации инженерно-артиллерийской службы стал интенсивно укрепляться в Голландских Штатах и связанных с ними армиях протестантских государств. Особенностью здесь стало широкое привлечение к осадным работам наемных пехотинцев, которым, правда, за это поначалу приплачивали. В остальных армиях участие в земляных работах не учитывалось в контракте солдата, и приходилось нанимать нестроевых рабочих.

В шведской армии данная проблема решалась проще, поскольку ее костяк составляла национальная пехота. Регулярное обращение с лопатой и прочим шанцевым инструментом буквально спасало жизнь шведскому пехотинцу во время боевых действий против польской

кавалерии, и полевые укрепления шведы сооружали не реже, чем вели осадные работы. Уже к 1630 г. их артиллерия была сведена в шесть рот, в том числе в роту «фейерверкеров» и роту минеров для осадных работ¹¹. Впрочем, подобной «постоянной» организации артиллерийской службы способствовала конкретная политическая ситуация: Швеция вела непрерывные войны и долгое время не распускала свои полевые части. Кроме того, упомянутые артиллерийские «роты» никогда не собирались вместе и как подразделения существовали только на бумаге, будучи в реальности раскиданы по крепостям и полевым армиям.

Следует отметить еще одну важную деталь, общую для армий с разным типом организации осадно-артиллерийского парка. Охрану, конвоирование орудий и боеприпасов доверяли лишь солдатам, оснащенным ружьями с кремневыми замками, притом большая часть пехоты продолжала действовать фитильными мушкетами. Тлеющий фитиль был недопустим рядом с запасами пороха, так что при осадных орудиях состояли либо специальные отряды «кремнёвщиков» (*fire-locks*), как в Англии, либо вооружённые аналогичным образом драгуны. Во Франции в 1671 г. знаменитый фузелерный полк (*Fusiliers du Roi*) был сформирован по настоянию маршала Вобана исходя из тех же предпосылок. Остальные части королевской армии были поголовно вооружены фитильными мушкетами, и для охраны артиллерии были необходимы солдаты с кремневыми ружьями — «фузеями»; в то же время в состав нового полка были включены разного рода инженерные части¹².

Весь этот беглый обзор необходим для того, чтобы очертить круг связанных с организацией артиллерийского дела основных понятий, которыми оперировал каждый попадавший на царскую службу иностранный офицер.

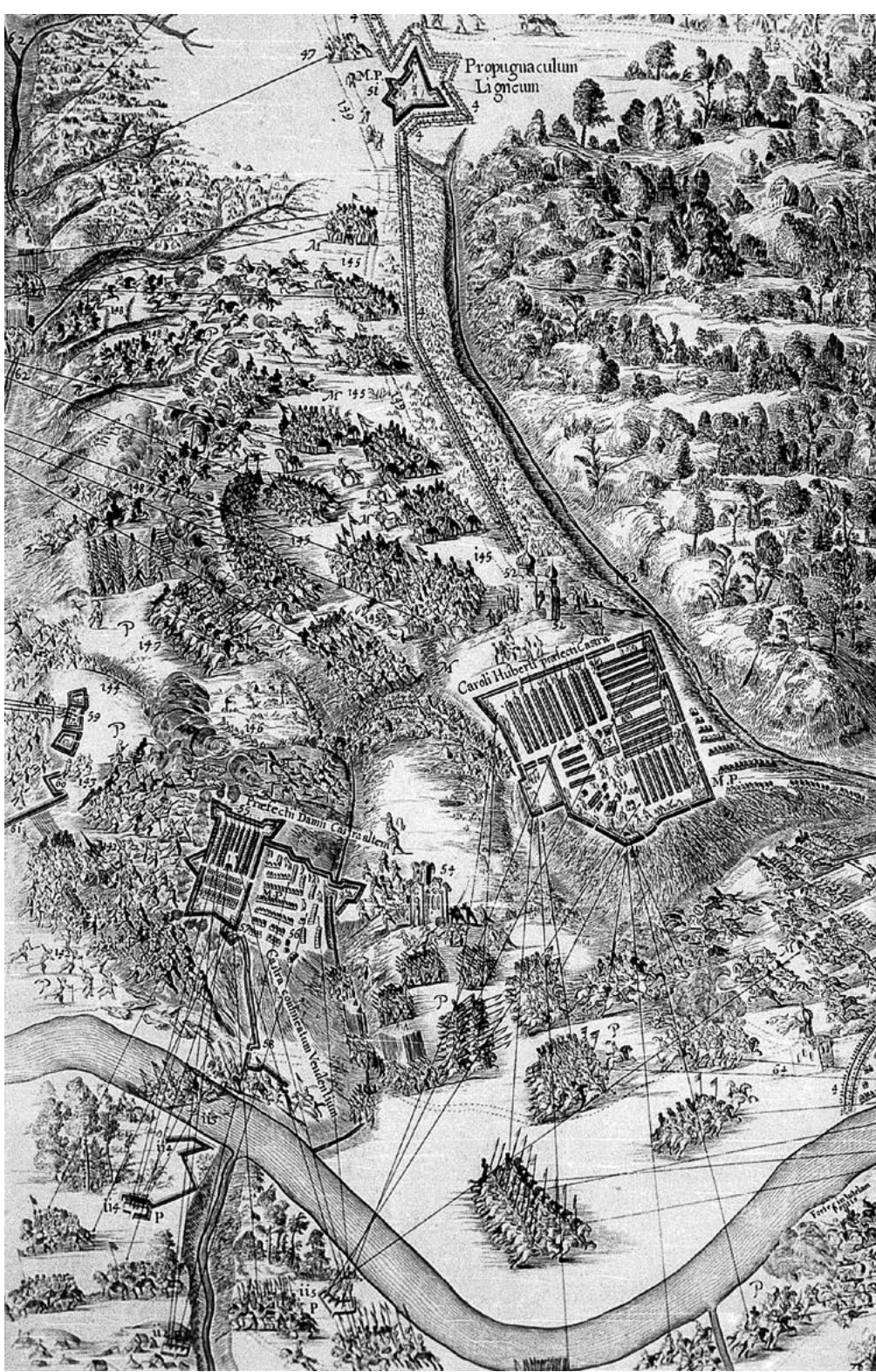
Инженерно-артиллерийский корпус в Смоленской войне 1632–1634 гг.

Нам до сих пор практически ничего неизвестно о каких-либо иностранцах при русском осадном парке в Смутное время, будь то осада Кром или Ельца в 1605–1606 гг., или же боевые действия под Смоленском в 1613–1617 гг. А планомерным устройством осадного корпуса впервые после Смуты царское правительство занялось накануне Смоленской войны 1632–1634 гг.

К тому времени на русской службе состояло всего два иноземца, чья профессия была связана с осадным делом. Это были французы-петардщики (Яков Без и Юрьи Безсон), перебежавшие из полков королевича Владислава в Москву 30 сентября 1618 г.¹³ О «*пинардном мастере*» Якове Беше известно, что он был пожалован поместьем в Нижегородском уезде, причем после пожара 1626 г. в окладных книгах вплоть до 1650-х гг. стабильно повторялась запись: «*Помесного и денежного окладу неведомо, в московской пожар во 134-м году згорел, нижегороцкой помещик пинардной мастер Яков Без*»¹⁴. В мирное время мастера состояли рядовыми в ротах служилых «*немцев*» и несли наравне со всеми конную службу.

Царский посланник в Швецию, стольник Федор Племянников, в 1631 г. «*сговорил*» на временную службу в Россию «*городовых смышленников*» — голландца Яна Корнилова (или Мартынова) Фан Роденбурха (Ван Роденбурга) и «*цесарской земли*» Хриштопа Дальгамера (выехали летом 1631 г.), затем шведа Юста Матсона и поручика Якуба Шлиман Фельда (прибыли в ноябре 1631 г.). Стараниями будущего «*старшего полковника*» Александра Лесли появился в столице капитан англичанин Давыд Николь (в октябре 1632 г.)¹⁵. Фан Роденбург, освоившись в России, в 1632 г. добился приезда своей семьи (супруги с детьми и слугами), а также шести подмастерьев, «*которые умеют делать городовое дело*». Трое из них названы по именам в 1632 г. (Болдвин Форин, Корнил Глитын и Бартоломеус Фанатен) и еще двое — в 1635 г. (Иверт Тенесен и Гизбрехт Корнелий). Скорее всего, шестым подмастерьем был Томас Винс, довольно молодой по тому времени человек, сообщавший в 1642 г., что «*...был в Ростове у городового дела*» лет восемь назад¹⁶.

Пока война не была объявлена, некоторых из инженеров направили в города для починки и строительства укреплений: Ю. Матсона в Великий Новгород, а Фан Роденбурга — в Ростов. С началом боевых действий при главнокомандующем русской армией под Смоленском, кн. М. Б. Шеине, был сформирован типичный корпус полевых инженеров¹⁷. Во главе него встал Д. Николь. Будучи протеже «*старшего полковника*» А. Лесли, он сам получил звание полковника (без полка!) и был направлен под Смоленск. Кроме него в осадный лагерь отправились подмастерья Д. Николая, англичане Джан Шарпантьер и Н. Маков,

Шанцы русских под Смоленском
Гравюра В. Гондиуса 1636 г.

Фан Роденбург со своими подмастерьями¹⁸ и некий «*пинардный мастер Э. Конгресс*». Таким образом, корпус полевых инженеров при Шеине состоял из:

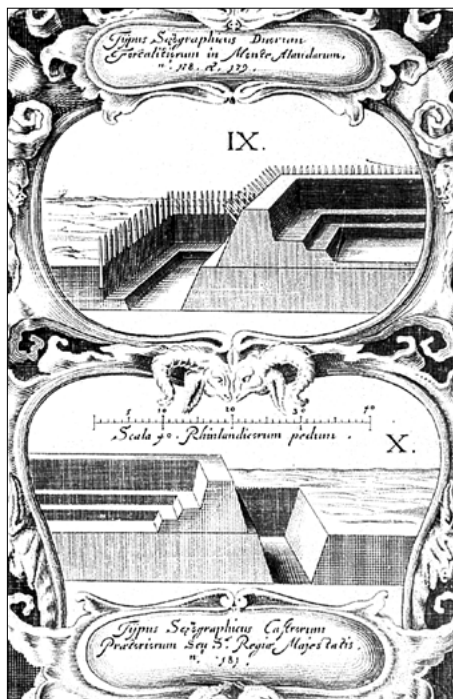
- «*начального инженера*» (полковника Д. Николая);
- «*городового смышленника*» (Я. Фан Роденбурга);
- «*петардного мастера*» (Э. Конгресс);
- не менее, чем 8 иноземцев-«*подмастерьев*».

Наиболее вероятно, что и остальные упомянутые выше инженеры — Я. Без, Ю. Безсон, Х. Дальгамер, Ю. Матсон и Я. Шлиман Фельд — также приняли участие в Смоленской кампании. С их учетом численность команды иноземных специалистов при осадном корпусе могла превысить 15 чел. Подробности их деятельности неизвестны, но результат — потрясающие воображение современников земляные работы — прекрасно запечатлен в серии знаменитых гравюр Гондиуса. Очевидцы из польского стана сравнивали укрепления русских войск под Смоленском с испанскими шанцами при осаде голландской крепости Бреда, завершившейся незадолго до этого (в 1627 г.), и даже утверждали, что русские валы выглядели мощнее и внушительнее.

Собственно, сам осадный парк, или «*Большой Наряд*», в этом походе был организован по традиционному образцу. Возглавили его голова из московских дворян Иван Никифорович Арбузов и дьяк Иван Костюрин. Он включал в общей сложности 19 орудий калибром от 1 пуда 30 гривенок до 12 гривенок, а также 7 «*верховых пушек*» (мортир). Среди осадных пищалей 12 было «*русского литья*» и 7 голландских¹⁹.

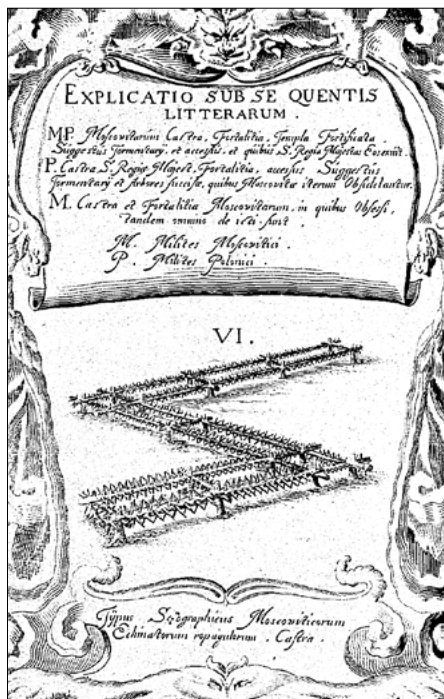
Из Москвы в Можайск Арбузов, как представитель Пушкарского приказа, повёз не только часть «*Большого Наряда*» (8 орудий и 3 мортиры), но и полковой Наряд — 17 пищалей калибром от 3 до 8 фунтов и 116 «*пищалей коротких*», предназначенных для солдатских полков. Из Можайска полковой Наряд и половину солдатских пищалей боярин Шеин взял с собой под Смоленск, оставив тяжёлую артиллерию и другую половину «*коротких*» пушек в городе. Стенобитные орудия прибыли на осадные позиции только в начале марта 1633 г., что считается одной из причин провала осады.

Для обслуживания артиллерии уже в августе 1632 г. с Арбузовым отправились в поход 184 московских пушкаря, а также 5 плотников и 5 кузнецов²⁰. Впоследствии к ним присоединились новые пушкарки —

Деревянно-земляные укрепления
москвитов

Гравюра В. Гондиуса 1636 г.

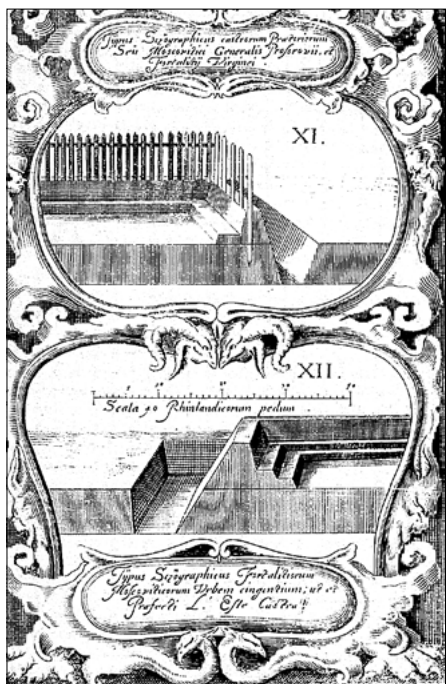

Деревянные заграждения
под Смоленском

Гравюра В. Гондиуса 1636 г.

возможно, городовые. В итоге каждая «короткая» пищаль получила в расчет по одному пушкарю, а более крупные обслуживало от двух до четырех пушкарей каждую. Остальные «поддатни» набирались в пехотных полках, из солдат, а при Наряде — из даточных людей.

На месте, на осадных позициях под Смоленском, пушки по мере необходимости сводились в отдельные батареи под началом голов из городских детей боярских. Так, 9 октября 1633 г. костромитин Тимофей Исаев сын Линева был назначен головой «...у Государева большого и мелкого Наряду», «у большого наряду был, а мелкой наряд свозил з горы на берег на реку на Непр и из большова наряду и из мелкова наряду по литовским людем стрелял». Согласно послужному списку, в его батарею входило семь крупнокалиберных орудий, в том числе четыре голландских пищали («большая», «средняя» и еще две), пищаль полуторная и две «русского литья». Из них вели огонь 15 пушкарей,

Деревянно-земляные укрепления
русских под Смоленском
Гравюра В. Гондиуса 1636 г.

поименованных в списке. Кроме того, по берегу было выставлено 15 «коротких» пищалей солдатских полков, которые в послужном списке названы «тюфяками», и у каждого поименовано по одному пушкарю. Таким образом, Тимофей Линева направлял огонь 22 орудий во время важного боя за Днепром. Затем, к декабрю 1633 г., артиллерия Линева была перевезена в «отводной городок», где ее еще больше усилили именными стенобитными орудия «Волк» и «Кречет». Их расчет составляли восемь пушкарей да «прибавочных» 18 человек²¹.

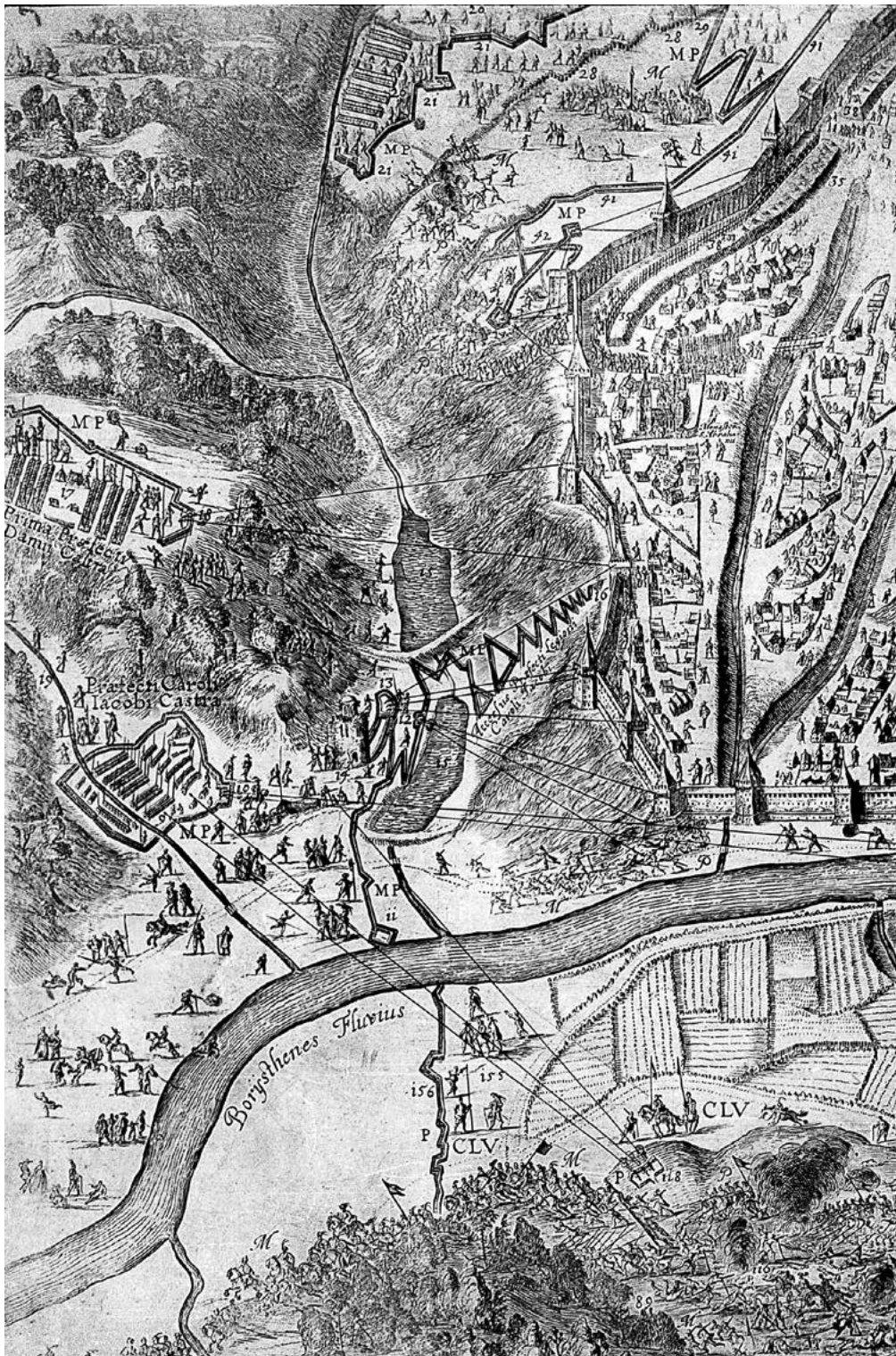
В качестве конвоя Большому Наряду еще в столице был придан приказ московских стрельцов, вооружённый, как и вся русская пехота «старых служб», пищалями с ударно-кремневыми замками русского типа. Солдатские и даже драгунский полки, сформированные впервые в 1632 г., к этой роли не годились: все их рядовые получили новые фитильные мушкеты. Впрочем, здесь не обошлось без административных накладок. На первом же стану после Москвы стрелецкий голова Гаврила Бокин заявляет Арбузову: «Мне де до Наряду дела нет! А я де послан не с тобою и не за Нарядом, хочу де — иду наперед, хочу — назади!». В Разряде поспешили исправить оплошность и распорядились, «... чтоб ему отписать из Стрелецкого приказа, чтоб ему идти с Нарядом вместе» (30 и 31 августа 1632 г.)²². И тогда вскрылась другая причина неподчинения — местнические счеты Арбузова с головами московских стрельцов²³. Как бы то ни было, здесь для нас важен сам замысел главного командования — назначение московских стрельцов к охране Наряду по типу европейских осадных парков²⁴. Практика эта была внове, поэтому предусмотреть такие сложности, как, например,

местничество голов, у начальства не получилось. Приказ Бокина имел обычный состав в пять сотен, 500 рядовых стрельцов.

Перевозки различных припасов на всю армию осуществлялись с помощью «*сборных подвод*», полученных по разнарядке с московского посада (до 1000 подвод) и с черносошных земель (еще до 1000 подвод)²⁵. Занимался этим приказ Приказных дел (или «*приказ Сбора подвод*»). Согласно справке из Пушкарского приказа, еще летом 1632 г. отправлено «...*под Нарядом, и под зельем, и подо всякими пушечными запасы, и под неметицкими кормы посошных людей с лошадьми и с телегами 1000 ч.*». Каждый посошный человек являлся на службу «...*с лошадью, и с телегою, и с хомутом, и с кирками, и с топоры, и с заступы, и с лопаты, и со всякою посошною снастью*». Кроме того, к транспортировке привлекли «*наемные подводы*», на которых в Можайск осенью 1632 г. доставили остальную часть Большого наряда — 11 пищалей и 4 мортиры.

Помимо подвод с возницами необходимы были рабочие для проведения земляного строительства и обслуживания артиллерии: «*К Наряду к повороту, и к земляному промыслу, к полковому делу, и к шанцам, и к земляным городкам, для землянова дела, и в неметицкие полки неметицким людем к дровяной возке*». Также нужны были люди для развозки по полкам хлебных запасов. Их набором и высылкой в полки также ведал Приказ Сбора подвод. Для проведения осадных работ «*голова у Наряду*» И. Н. Арбузов принял в территориальных четвертях (Устюжской, Новгородской и пр.) 4000 лопат и 3000 заступов (и те, и другие деревянные, окованные железом), 1000 кирок и тёсел и 100 ломов²⁶.

Шейн запрашивал в общей сложности 3000 чел. «*деловцов*» из посошных людей, однако летом 1633 г. в его распоряжении осталось всего 766 чел. В сентябре 1633 г. последовал указ собрать со Смоленского и окрестных уездов «*посошных людей*» по 1 человеку с 5 дворов, с заступами и топорами²⁷. Нетрудно увидеть аналогию с европейскими «шанцекопами»; впрочем, располагая 14-тысячным контингентом в солдатских полках, боярин успешно замещал рабочих солдатами, вполне по шведскому или голландскому образцу. Это не было каким-то вынужденным экспромтом, поскольку в обозе каждого солдатского регимента почти с начала похода имелись десятки и сотни лопат,

Осада Смоленска 1633–34 гг.
Гравюра В. Гондиуса 1636 г.

заступов, ломов, кирок и прочего шанцевого инструмента (в основном и из числа привезённых Арбузовым под Можайск)²⁸.

Итак, в Смоленскую кампанию приказное управление осадным парком русской армии было построено целиком по прежним образцам, выработанным в походной практике XVI–XVII веков. Только с этим условием административные структуры государства, как постоянные, так и чрезвычайные приказы, могли работать на полную мощь и с максимальным эффектом, чтобы обеспечить осадный корпус и армию вообще всем необходимым. В то же время перед нами все основные элементы инженерно-артиллерийского корпуса «французской» модели:

- осадные орудия крупного калибра и мортиры;
- профессиональные артиллеристы, объединяемые во временные батареи в зависимости от обстановки;
- ремесленники из ведомства Пушкарского приказа;
- артиллерийский обоз;
- отряд охраны с кремневыми ружьями;
- команда инженеров-специалистов;
- рабочие с шанцевым инструментом.

В целом подобная же организация угадывается и у русских осадных армий XVI столетия, но за одним важным исключением: охрана Государева Наряда доверялась тогда не пехотному отряду, а коннице — детям боярским «*малых статей*», дворцовым служащим вроде сокольников или стадных конюхов и т.п. Это была совсем другая традиция, связанная с местническим старшинством «*титულных*» воеводских полков (а Наряд входил в их число) и восточным «*чином*» Государевых походов²⁹. Таким образом, к Смоленской войне мы наблюдаем явную перестройку артиллерийско-инженерного корпуса в соответствии с новыми веяниями. Важным свидетельством интереса царской администрации к организации европейского военно-инженерного дела является «*письмо*» Д. Николая о «*чине и промысле начальново инженера*», публикуемое в Приложении I.

Инженерный корпус между двумя русско-польскими войнами (1634–1654 гг.)

Большая часть иностранных инженеров после Смоленской войны осталась на царской службе³⁰. Уже вскоре их привлекли к строительству новых городов и укреплению оборонительных линий на южной границе России. Уже в 1635 г. Д. Николь был направлен на лихвинский участок Тульской засечной черты, Ю. Матсон (или Монсен) — на рязанский, а Ян Корнелий (Фан Роденбург) с подмастерьями — на тыловую линию вдоль р. Оки³¹. За исключением собственно Большого Наряда и пушкарей все остальные элементы осадного корпуса: посошные люди с подводами и «деловцы», стрельцы, команда инженеров — были задействованы в этих «тульской засечной» и «белгородской валовой» службах, а также при строительстве новых городов. Результатом этой деятельности стали десятки крепостей и сотни километров укреплений Тульской и Белгородской оборонительных черт.

С воцарением второго государя из династии Романовых — Алексея Михайловича, возобновился активный прием на русскую службу иноземных специалистов, причём как строевых, так и инженеров или артиллеристов. Особенностью этого периода (после 1646 г.) стал приезд военнотружущих не только из Голландии, Британии или германских государств, но и в значительной степени из соседней Речи Посполитой. В большинстве случаев это было связано с конкретной сложившейся военно-политической ситуацией, когда в результате очередного мирного договора происходило резкое сокращение вооружённых сил и увольнение офицеров со службы. Для Германии, Швеции и Франции таким отправным событием стало окончание Тридцатилетней войны 1619–1648 гг., в Нидерландах параллельно с этим — прекращение 80-летнего противостояния с Испанией, в Англии — перипетии Гражданской войны, а в Речи Посполитой — отдельные перемирия с мятежным Войском Запорожским гетмана Богдана Хмельницкого и Крымским ханством. Если учесть, что восстанию Хмельницкого предшествовал довольно продолжительный период русско-польского сближения (1634–1647 гг.), то приезд в Россию уволенных со службы полковников и прочих начальных людей, а также шляхты, потерявшей имущества в Украине, выглядит как вполне закономерный выбор «солдат удачи».

В октябре 1650 г. на царскую службу были приняты два француза — Лоренц Мартот и Бертран Делакости. И хотя Делакости в одной из своих челобитных настаивал, что он «...*приехал к тебе, Великому государю, из дальних государств*», по справке из Посольского приказа выясняется, что сопровождали они полковника Ягана Бутлера, а тот выехал «*из Литвы*»³². Отметим, что Бутлер, вскорости перешедший в православие с именем Алексея Ильича, считался в России вторым по старшинству солдатским полковником после Лесли, и его спутники быстро продвинулись по службе (явно по протекции): Лоренц Мартот в 1654 году возглавил один из шести рейтарских полков, а Делакости сначала стал ведущим «*гранатного дела мастером*» при осадном корпусе, а затем вообще был прикомандирован в качестве главного квартирмейстера к окольному Б. М. Хитрову.

Через год, в сентябре 1651 г. в Россию прибыл француз-католик Жан де Грон. Уже 10 января 1652 г. он принял православие, став крестным сыном самого Царя Алексея Михайловича; 30 июня 1652 г. новокрещеный иноземец Антоний Алексеевич Грановский был написан «*по московскому списку*», получил высокий чин московского дворянина. Его близкое знакомство с самим Государем выразилось в нескольких «*прожектах*» о морской и сибирской торговле, рассмотренных на самом высоком уровне. При этом Грановский сразу же отрекомендовал себя не только как «*доктор богословия*» и специалист по торгово-политическим делам, но и как архитектор и военный инженер. Француз по происхождению, он, тем не менее, выехал на царскую службу от двора Курляндского герцога, то есть снова из области Речи Посполитой³³.

И все же военные инженеры и артиллеристы прибывали и из Нидерландов. Одним из первых был Корнилис Класен Фанбуковен — родственник майора Исака Фанбуковена, который с 1646 г. был одним из главных консультантов царского правительства при приеме на службу иноземцев, а в 1649 г. встал во главе полка рейтарского строя — дворянского училища по подготовке младших офицерских кадров³⁴. Корнилис поступил в этот полк ротмистром, но в 1654 г. оказался пригоден к должности «*огнестрелно дело капитана*».

Другой голландской династией, поступившей целиком на службу в рейтарский полк Фанбуковена, стали отец и сыновья Фанкерговены (Ван Керкховены). Отец — Юст Фанкерговен, изначально был

записан при полковом штабе как *«капитан и пушечного дела мастер»*, участвовал он при этом и в обучении дворян рейтарскому строю. В 1652 г. Юст с сыновьями Петром и Андрианом налаживали производство гранат и бомб — *«гранатное дело»* — на Тульско-Каширских заводах, после чего Юст был послан в Европу для закупки колесцовых замков и найма на царскую службу мастеров колесцового дела. Замечательно, что в звании Юста встречается формулировка *«за полками капитан и гранатного дела мастер»*, впоследствии характерная для всего инженерного корпуса русской армии. Отдельно от них, в декабре 1651 года³⁵, поступил на русскую службу Вилим Фанкерговен, который с 1652 г. числится в окладных книгах Иноземского приказа как *«капитан»* (с 1654 г. *«огнестрельного дела капитан»*).

В 1652 г. на царскую службу из Голландии выехал капитан Индрик Гулиц — в скором будущем полковник солдатского и драгунского строя русской армии. Вместе с ним прибыла группа офицеров, в том числе Лют Манорий (Лука Манорин, *«чертежное дело гораздо знает»*) — по инженерной специальности. Через год *«по призыванию»* того же капитана Гулица через Псков в Россию приехали *«французской земли»* прапорщики Август Милет и Шарль Милет, записанные *«капитанами гранатного дела»*.

Вообще к концу 1653 г. с чином *«капитана»*, *«капитана и гранатного/пушечного дела мастера»*, *«огнестрельного дела капитана»* в Иноземском приказе числилось всего четыре инженера-иноземца (Б. Делакости, Л. Манурий, Вилим и Юст Фанкеркговеты), а в феврале 1654 г. количество таких капитанов возросло до 12 человек. При этом часть из них продолжали получать жалование прапорщиков, поручиков или ротмистров. Иными словами, звание *«капитана»* для инженерного блока военных специалистов стало стандартным, по образцу европейских армий: мы видели *«капитанов»* за полками в армии Речи Посполитой (1602 и 1647 гг.), а также *«капитана»* Д. Николая, ставшего полковником *«за полками»* под Смоленском. Ближе всего звание *«капитан»* или *«мастер огнестрельного дела»* соответствует званию *«фейерверкера»*, обычного для любого артиллерийского парка (в Речи Посполитой, Швеции, Англии, Нидерландах и т.д.). И всё же по части терминов многое зависело от конкретных рекомендательных писем и прочих документов, на основании которых в русских окладных

книгах записывалось звание иноземного мастера, поэтому наряду с капитанами продолжали числиться петардщики («*пинардщики*»), мастера земляного городского или же гранатного дела, огнестрельной мудрости вымысленники и горододельцы; до 1651 г. в Иноземском приказе состоял Вилим Томсен, «*огненных ядер мастер*»³⁶. Следует учесть, что некоторые из иноземцев числились в Пушкарском приказе, где была своя номенклатура званий.

Кроме голландцев, из протестантских земель выехал еще один замечательный «*вымысленник*» — лифляндец Рейнгольд Модеус. Тринадцати лет поступив на службу рядовым, он ко времени окончания боевых действий Тридцатилетней войны достиг звания лейтенанта шведской артиллерии (1647 г.). Наличие «*пяти листов свидетельствованных*» в его багаже³⁷ говорит о том, что за плечами артиллериста была служба под началом пяти разных командующих: обычным явлением тех лет было то, что армии либо целиком распускались, либо радикально сокращали свою численность, и офицерам приходилось искать новое поприще для службы. Вот и Рейнгольд в 1653 г. перешёл на царскую службу — по шведским данным, с чином «*капитана*»³⁸. Впрочем, в русских источниках 1654 г. он числится «*огнестрельной мудрости вымыслеником*», то есть мастер-фейерверкером.

Инженеры и осадная артиллерия в Первом государевом походе 1654 г. Полк Антония Грановского

Почти весь 1653 г. и начало 1654 г. прошли в приготовлениях к походу Царя Алексея Михайловича «*на литовского короля*». Поскольку главной целью первого похода был Смоленск, осадной артиллерии необходимо было уделить первостепенное внимание.

Полк Государева Большого Наряда

Поход получил статус Государева, в связи с чем по традиции XVI в. Большой Наряд должен был составить особый «*титульный*» полк и отдавался под начало не простого «*головы у Наряду*», как в Смоленскую войну, а двум полковым воеводам. Дворцовые разряды сообщают их имена только под 27 февраля 1654 г., когда произошёл торжественный «*отпуск*» осадных орудий «*зимним путём*» в Вязьму.

Указ же из Разряда последовал двумя днями раньше, 25 числа³⁹. Главным полковым воеводой Государева Большого Наряда на следующие три года стал боярин Федор Борисович Долматов-Карпов, а его товарищами кн. Петр Иванович Щетинин да два дьяка, Григорий Одинцов и Иван Степанов⁴⁰.

В отношении транспортировки тяжёлой артиллерии был максимально учтён печальный опыт предыдущей Смоленской кампании. Во-первых, сам осадный парк был увеличен вдвое, с 19 до 40 орудий, которые не уступали калибром шеиновским пищалям. Кроме того, ещё до начала боевых действий все орудия со станками и с запасом ядер по 200 штук на каждое были доставлены по санному пути в Вязьму, к самой литовской границе, и размещены там в надежных амбарах под охраной.

Сохранился перечень орудий осадного парка 1654 г. по калибрам⁴¹.

Пищали «русского литья»

Название пищали	Калибр в пудах и фунтах («гривенках»)
Троил	1 пуд
Аспид	35 фунтов
Соловей	25 фунтов
Барс	20 фунтов
Грановитая	16 фунтов
Левик	15 фунтов

Пищали «голландского литья» (градация по величине калибра)

Тип пищали-«галанки»	Калибр в пудах и фунтах («гривенках»)	Кол-во
1	1 пуд 18 фунтов	2
2	1 пуд 15 фунтов	7
3	1 пуд 10 фунтов	12
4	1 пуд 7 фунтов	12
5	13 фунтов	1

Вместе с тем имелось несколько мортир («пушек верхового наряда», или «огненных пищалей»). Похоже, в осаде приняли участие два тяжёлых «дробовика» для стрельбы чугуном дробом. Перевозили орудия в разобранном виде: отдельно ствол на дубовом «волоку»

и отдельно лафет («стан»). Самые малые голландские стволы весили от 148 до 194 пудов, волок под каждую — 80 пудов, стан с колесами и осями — 202 пуда. Для их перевозки использовались ямские подводы, по первоначальному расчёту — по 12 или 15 подвод на стволы с волоками, по 8 подвод на лафеты (по 20–25 пудов на подводу). Однако летом 1654 г. груженные таким образом лошади смогли отойти от Вязьмы всего на три версты, после чего пришлось срочно усиливать упряжь новой тяглой силой⁴².

Всю артиллерию смоленской группировки («*большой Наряд*» в 40 орудий и 95 пищалей «*полкового Наряду*») обслуживало 206 московских пушкарей, а также мастеровые: 70 человек «*зелёных мастеров*», резцов, плотников и кузнецов⁴³. Получается, что при каждом осадном орудии состояло от двух до четырёх пушкарей⁴⁴, как и в 1632–1634 гг.

Для руководства осадными батареями заранее (по традиции XVI в.) были разряжены «*письменные головы у Наряду*» из дворян, причём Долматову-Карпову подчинялось шестеро голов, а кн. Щетинину — четверо.

Зимой, пока артиллерия шла по русской территории, вопрос о даточных «*у наряду для повороту*», то есть рабочих для осадных работ, только начинал решаться. Также вместо посошных людей для перевозки пушек и ядер были задействованы ямские подводы и ямщики, а для починки дороги — временно набранные крестьяне «*от села до села, сколько человек пригож*». К охране Большого Наряда были по-прежнему привлечены московские стрельцы — приказ Ивана Азарьева, 272 чел. Кстати, перевозка осадных тяжестей сама по себе являлась делом опасным: по дороге «*в завалех и с гор на спусках*» «ломало» тяглых лошадей, да к концу перехода покалечило и убило трех стрельцов и 14 человек ямщиков⁴⁵.

В общем организация осадного парка до начала кампании, в январе — марте 1654 г., по существу ничем не отличается от устройства Большого Наряда армии М. Б. Шеина, за исключением инженерного корпуса и пеших даточных, которые только готовились к походу. Но в феврале — марте 1654 г. в ходе формирования этого отряда известным нам французом-новокрещеном Антонием Грановским были предложены довольно радикальные реформы, следы которых сохранились в одном из столбцов Иноземского приказа и в ряде других источников.

Начальные люди «у огнестрельного вымыслу» и «пиунеры»

Параллельно с отправкой Большого Наряда в Вязьму Грановскому было поручено подобрать полный штат «...начальных людей, котрым быть у огнестрельного вымыслу». В результате рассмотрения всех возможных кандидатур к 16 февраля 1654 г. была составлена роспись из 20 этих «вымышленников» по формуляру, уже знакомому нам из польских, британских и др. примеров. После определённой правки в Иноземском приказе⁴⁶ штат (от 16 февраля) выглядел следующим образом:

- 1 вымышленник горододелному и инженерному делу (Бертран Делакости);
- 1 огнестрельный вымышленник (Рейнгольд Модеус);
- 3 петардщика (майор Виган Крюгер, подпрапорщик Еремей Ницки и нижегородский помещик Яков Без);
- 1 чертежник (капитан Л. Манорий);
- 7 огнестрельного дела капитанов (К. К. Фабуковен, Я. Фанрозенбах, В. Фанкерговен, Г. Шулер, А. Ян Фовин, Август и Шарль Мелеты);
- 3 гранатного дела мастера (Юст Фанкерговен с сыновьями Петром и Андрианом);
- 1 подкопщик (Б. Форин)⁴⁷.

В Смоленскую войну рабочие-«деловцы» из пососных людей, которые сопровождали осадные орудия, ведались самим боярином Шеиным и «головой у Наряда» Арбузовым. На сей раз отряд рабочих в 1000 чел. было решено отдать под начало Антония Грановского, придав его, таким образом, непосредственно команде «начальных людей у огнестрельного вымыслу». Однако найти для них походных командиров — сотников, оказалось затруднительно. Как отмечалось в помете на утверждённой росписи: «А к тысяче пиунер надобно 10 человек сотников, и в тех сотниках быть из руских людей. А в Иноземском приказе они не ведомы». Здесь замечательно, что Грановский использовал принятое в Европе понятие «пионер» для обозначения рабочих артиллерии, а в Иноземском приказе этот термин оставили без перевода.

Грановский, новокрещёный иноземец, поддерживал в основном связи с такими же перешедшими в Православие иноземцами или их потомками. Судя по всему, именно из них — молодых, «неверстанных» новокрещёнов⁴⁸ — он предложил несколько кандидатур на должности

сотников (Меркурий Казимеров, Меркурий Талкачевской, Спиридон Дигилбов, Максим Стуртов). Еще одного «*новокрещена*» — пушкаря из Соловецкого монастыря Кузьму Исупова — Грановский буквально подобрал где-нибудь в сенях московских приказов, поскольку тот только-только явился из северной обители в надежде устроиться в действующую армию. Челобитные Исупова с драматическим рассказом о пленении родителей в Смутное время и бегстве из шведской «*неволи*» (из посольства) датируются 23 февраля и 7 марта⁴⁹, но еще неделей раньше, в росписи от 16 февраля потомок крещеных новгородских татар обозначен как кандидат в сотники у пионеров и даже «*огнестрельнаго дела иноземец*».

В поисках новых сотников чиновники Иноземского приказа обратились в Стрелецкий приказ: благо, что оба ведались царским тестем боярином Ильёй Даниловичем Милославским. Стрельцы, имевшие опыт подкопного дела, были в приказе на особом счету. К примеру, при осаде Юрьева Ливонского в 1656 г. боярин кн. А. Н. Трубецкой поручил вести подкоп восьми стрельцам из псковского приказа Г. Вельяшева (во главе с Матвеем Павловым), которым «*подкопное дело было за обычай*»⁵⁰. В итоге из Стрелецкого приказа к 16 февраля 1654 г. сообщили о наличии четырех специалистов: двух рядовых и одного отставного стрельца (стрельцы Микифор Гребнев и Анисим Яковлев, отставной Федор Иванов сын Смольянин), а также крепостного крестьянина В. Зубова (Дружины Васильева). Все они, судя по всему, были ветеранами осады Смоленска 1632–1634 гг. В частности, солдат полка Вилима Кита, тулянин Микифор Иванов сын Гребнев (Гребенщикова) в 1634 г. упоминается как заболевший в лагере Шеина⁵¹; переход таких солдат в московские стрельцы был вполне распространенной практикой, в особенности, если речь шла о подкопном мастере; само за себя говорит и прозвище отставного стрельца. Таким образом, общими усилиями почти все сотники для рабочих-«*пионеров*» уже в феврале были найдены и включены в росписи отряда Грановского.

Создание полка драгунского строя для охраны артиллерии

Между тем вновь встал вопрос о вооруженной охране осадного корпуса. Московские стрельцы уже перестали устраивать командование в этом качестве. Усилиями Царя и иноземных офицеров на протяжении 1640-х гг. их приказы освоили новейшую «*солдатскую*» тактику

и, соответственно, в большинстве своем перешли на вооружение фитильными мушкетами⁵² и шпагами. Наверное, зимний поход стрельцов Ивана Азарьева стал возможен лишь потому, что пороховые запасы в осадном артиллерийском обозе решили не везти (только ядра — по 200 штук на орудие). Московские стрельцы уже рассматривались как элитная пехота, предназначенная для действий в полевых боях и на штурмах, тогда как для охраны обоза вполне годились новобранцы.

В итоге около 7 марта 1654 г. среди черновых набросков Царя Алексея Михайловича (в бумагах приказа Тайных дел) появилась запись: «С Ваги будут 3000 ч., и их половину отдать Антону Гроновскому, 1500 ч., а другую половину восьмой полк 1500 ч. А по 100 ч. добрать здесь, в оба полка, и чтобы было по 1600 ч.»⁵³. Речь идёт о наборе с важской дворцовой волости 3000 ч. солдат и формировании из них двух полноценных солдатских полков, один из которых и хотели вверить А. Грановскому. Однако затем Царю могли напомнить, что солдаты также вооружены фитильными мушкетами, если, конечно, из важских даточных не делать безоружных «пионеров». И тогда возник проект создания особого полка «драгунского строя».

Дело в том, что в ходе планомерного создания и обучения поселённых частей на Белгородской черте в предшествующие годы был выработан устойчивый стандарт для русских отрядов «драгунского строя». В драгуны записывался один человек со двора, который, помимо собственного хозяйства и рабочих лошадей, содержал боевую «драгунскую» лошадь, проходил регулярное обучение строю и стрельбе и был готов по первому зову явиться на государеву службу. За исключением тульских драгун, пока не требовалась «дальняя полковая служба» в отрыве от хозяйства, они служили без жалования.

В отличие от солдатских полков, драгуны были исключительно мушкетерами (без пикинеров с длинными копьями — «списами»); их стандартное снаряжение составляли мушкет или карабин с ударно-кремневым замком, шпага на перевязи и лядунка — сума для бумажных патронов. На Черте они занимались построшкой и починкой оборонительных сооружений, а также сторожевой службой против татар. В «полковой службе» в случае широкомасштабных боевых действий драгуны сопровождали дворянские сотни в конном строю, а при начале боя спешивались и действовали уже как пехота, поддерживая конные

атаки кинжальным мушкетным огнем. Наиболее крупными и значительными отрядами являлись четыре полка драгун Комарицкой волости (Севский уезд), полк Христофора Гундертмарка в Добренском и Сокольском уездах (по р. Воронеж) и приказ Тульского драгунского строя. Все они к 1654 г. уже несколько лет обучались иностранными офицерами, большая часть которых давно проживала в России и знала русский язык⁵⁴.

Драгунский отряд хорошо подходил в качестве сопровождения осадного парка, поскольку был вооружён кремневыми мушкетами и к тому же имел большое количество собственных строевых и обозных лошадей. Три полка комарицких драгун в 1654 г. также были отправлены в Украину сопровождать многочисленную артиллерию и пороховые запасы, посланные от Царя к гетману Богдану Хмельницкому; прислугой у тамошнего Наряда служили 3 московских и 47 городских пушкаря. Воевода А. В. Бутурлин, у которого в войске они и состояли, написал в мае 1654 г.: *«Драгуны люди пешие, половина большая драгунов в телегах, да оне ж, драгуны, везут наряд, и зелье, и свинец»*⁵⁵. Собственно, для перевозки в Украину и обслуживания артиллерийского парка из сорока полуторных пищалей за счёт Комарицкой волости удалось обеспечить и транспортные средства, и посошных людей, и вооружённый конвой: *«Наряд, и зелье, и свинец везём на своих лошадях, и ломы железные, и кирки, и заступы, и лопаты. Телеги и хомуты покупали своими деньгами и дорогою ценою»*⁵⁶. Вооружены были комарицкие драгуны кремневыми *«пищалами»*⁵⁷ — карабинами или мушкетами, а также самопалами и даже винтовками русского дела.

Чтобы не отвлекать остальные отряды поселённых драгун от охраны Белгородской черты, было решено создать новый полк в 1000 человек на базе городских казачьих сотен и станиц Тульской и Рязанской земли и *«городов от Поля»*. Вообще по Смете 1651 г. в ведомстве Стрелецкого и Казачьего приказов состояло 8500 городских казаков, большая часть которых не могла быть отправлена в дальний поход без дополнительного жалования⁵⁸, так что обращение к *«казачьему»* источнику комплектования выглядит вполне логично. Местные воеводы провели разбор этих людей и записали часть из них в драгунский строй, не исключая и стоявших во главе станиц атаманов, пятидесятников и десятников. Тысяча бойцов была набрана по меньшей

мере из 20 мест: с окраин Рязанской и Тульской земель (Венева, Гремячий, Михайлов, Пронск, Печерники, Ряжск, с. Поплевино под Ряжском, Сапожок, Шацк, Деделов, Донков, Епифань, Лебедянъ), а также из Белева, Оскола, Ельца, Ливен и Ливен Донских, Царева-Алексеева и Усмани⁵⁹. Несмотря на поспешность формирования, условия службы казаков в драгунском строе оказались вполне приемлемы, и полк продолжал существовать в ведомствах Рейтарского и Иноземского приказов довольно долго.

О том, как были вооружены и обучены драгуны Грановского через пару месяцев после своего формирования, сохранилось замечательное известие очевидца, наблюдавшего парад царских войск 18 мая 1654 г.: *«Войско шло через Кремль; у Кремлевских ворот, называемых Башнею, устроен был помост о десяти ступенях, покрытый красным сукном; таким же образом устроен был у Водяных ворот, близ реки Москвы, другой помост, на котором стояло высшее духовенство в облачении, с образами, кадилницами и святою водою. Парад этот открыт был перекрещенным в чужую веру Жаном де Греоном, с одним полком драгун, в тысячу простых необученных еще людей, у которых были мушкеты без шомполов и кремней»*⁶⁰. Полковник принял необычные меры для предотвращения случайных выстрелов на параде — вывинтив из мушкетов кремни и вынув из лож шомпола. Было ли это его собственной находкой по итогам общения с новобранцами или же традицией европейских армий, сказать трудно, но поступил он весьма остроумно. Скорее всего, шпаги, лядунки и полупики — стандартное снаряжение для драгун — полк также получил в начале похода.

Новые принципы организации офицерского корпуса

А. Грановского «в полку» и «за полком»

Решив переложить на драгун часть работы по перевозке осадных тяжестей, в Иноземском приказе отказались от идеи передать непосредственно в состав полка Грановского русских даточных людей. То есть, в период осады определенное их количество (возможно, та же тысяча человек) вело подкопные работы и помогало пушкарям под руководством иноземных начальных людей. При штурме Смоленска 16 августа 1654 г. на участке, порученном Грановскому, со штурмовой колонной шли *«даточные люди»* — для доставки лестниц и фашин

к смоленским стенам. Таким образом, они действительно выполняли задачу «пионеров», обычную для французской военной практики вплоть до конца XVIII в.

Вместе с тем, команда «сотников у пиунер» была упразднена и разделена между двумя штатными расписаниями, которые Антоний Грановский предоставил на утверждение руководству Иноземского приказа около 22 марта 1654 г. Теперь «капитаны огнестрельного дела», часть петардщиков и «сотников» оказались среди начальных людей драгунского полка, причем уже со званиями от сержанта до майора и распределёнными по 10 ротам. В первом списке полк Грановского назван не драгунским, но определен гораздо сложнее и точнее: *«Роспись начальным людем, коим быть над казаками в полку Антона Алексеевича Гроновского у огнестрельново и вымышленово и подкопново и горододельново дела»*. Помимо самих «вымышленников», офицерский состав был пополнен начальными людьми собственно драгунского строя, причем как из иноземцев, так и из русских ветеранов этого рода войск⁶¹. Например, в полковые подьячие был принят украинный сын боярский из Хотмышка Михайло Левшин, который еще в 1630-х гг. служил в драгунском строе⁶².

По обычным штатам драгунского (да и солдатского) строя полк делился на 10 рот. Полковник, подполковник и майор являлись строевыми офицерами, возглавляя первые три роты; без команды в штабе оставались полковой квартирмейстер, полковой подьячий и профос. В состав штаба каждой роты входили капитан (или старший офицер), поручик (в 1-й роте «капитан и поручик»), один или два прапорщика и 2 сержанта (в том числе один «из казаков»); к младшим урядникам относились подзнаменщик, каптенармус и 4 капрала. Первый перечень строевых начальных людей содержит имена 39 человек от сержанта до подполковника, а всего в документах есть упоминания о 45 офицерах штаба полка и ротных, включая самого Грановского. Остальные урядники — *«сержанты, и подзнаменищики, и каптенармасы, и капралы — выбраны ис казаков: атаманов, пятидесятников и десятников и из рядовых»*⁶³. Это была обыкновенная практика для всех полков «нового строя», начиная со Смоленской войны.

При внимательном изучении списка строевых начальных людей на 22 марта 1654 г. выясняется, что офицеров с артиллерийским

образованием среди них 10 чел. (по числу рот в полку), причём большей частью это как раз командиры рот (и только трое — поручики).

Чины начальных людей	Итого	В том числе инженеры и артиллеристы-иноземцы
Полковник	1	1
Подполковник	1	1
Майор	1	1
Капитан	7	4
Капитан и поручик	1	—
Поручик	10	3
Полковой квартирмейстер	1	—
Прапорщик	12	—
Сержант	10	—
Полковой подьячий	1	—
Итого	45	10

Здесь мы не считаем пресловутых «сотников у пиунер», которые, за исключением присланных из Стрелецкого приказа, поступили в штат полка сержантами и прапорщиками. Итак, перед нами ярко выраженное стремление Грановского поставить каждую роту драгун под начало одного из своих «капитанов огнестрельного дела».

Второе штатное расписание, составленное около 22 марта 1654 г., было озаглавлено как «Роспись начальным же людям, тем, коим быть с Онтоном Гроновским у огнестрельного дела опроче полку у обозного вымыслу». Прежняя команда иноземных специалистов «за полками» сильно сократилась по сравнению с февральской росписью. В частности, из нее исключены Юст Фанкерговен с сыновьями, по-видимому, вообще освобожденными от боевой службы. С другой стороны, уже накануне выступления на Смоленск «сказано быть в Вязьме с полковником» А. Грановским иноземцу-новокрещену Прокофию Буденгагину «с товарищем»⁶⁴. В итоге штат 22 марта 1654 г., включая и Буденгагина, выглядел следующим образом:

- горододельный и огнестрельный вымышленник Бертран Делакости (капитан);
- огнестрельной мудрости вымышленник Рейнголт Модеус (без чина);

- петардщик Яков Без (без чина);
- начальный квартирмейстер и чертежник Лука Манурин (капитан);
- к пушкам уставщик к бою Вилим Фанкеркговен (Кирков) (капитан);
- земляного городского дела мастер Прокофий Федоров сын Буденгагин (без чина);
- горододельцы (и подкопщики):
 - Бодвин Форин — петардщик (без чина);
 - Дружина Васильев (крестьянин);
 - Микифор Гребнев (стрелец);
 - Федор Иванов сын Смольянин (отставной стрелец);
 - Анисим Яковлев (стрелец);
- обозный квартирмейстер Алексей Томилов сын Перфильев.

Итак, «за полками» остались специалисты большей частью вообще без воинских чинов. Их должности согласно официальной росписи находят свои аналогии в европейских штатах инженеров и артиллерийских специалистов. Например, «огнестрельной мудрости вымысленик» — это фейерверкер, специалист по артиллерийским зарядам; петардщик и подкопщик в переводе не нуждаются; «начальный квартирмейстер и чертежник» — это «*rytownnik*» из штата Кш. Арцишевского (1647 г.); «к пушкам уставщик к бою» — это «*батарейный мастер*» артиллерийского обоза гр. Эссекса 1642 г., специалист по установке артиллерийских батарей; «земляного городского дела мастер» — это баумистр Арцишевского, инженер-фортификатор, и т.п. Сложносоставное звание капитана Бертрана Делакости свидетельствовало о его универсальном инженерно-артиллерийском образовании, о чём он подал в Иноземский приказ соответствующую подробную «сказку» (в составе челобитной о повышении жалования, см. Приложение).

Самым крупным разделом нового штата оказалась группа, почётно названная «Горододельцами». В нее вошли один давно обрусевший петардщик Б. Форин, в прошлом подмастерье Яна Корнилиуса Фан Роденбурга, и четверо русских «подкопных дел мастеров»: стрельцы Микифор Гребнев и Анисим Яковлев, отставной стрелец Федор Иванов сын Смольянин и крестьянин Дружина Васильев. Вместе с Фоорином

и Безом они являлись ветеранами предыдущей смоленской кампании и вполне органично вписались в отряд *«заполковых начальных людей»*.

Обоз этого инженерного корпуса был отделён от обоза самого драгунского полка в особую команду ввиду своей важности: ведь у каждого специалиста были повозки с собственными *«снастями»* и иногда с книгами. Заведовал им обозный квартирмейстер Алексей Перфильев, сын дьяка Томилы Перфильева, состоявшего при Государе в качестве *«дьяка в государеве имени»* и главы приказа Тайных дел⁶⁵. Сохранился перечень взятого в поход имущества бывшего шведского лейтенанта, а ныне фейерверкера Рейнгольта Модеуса:

- *«6 книг немецких всяких мудростей огнестрелново и подкопново дела и как у неприятеля войско побить и город зажечь;*
- *трубка огнестрельного дела, как стрелять в город и двory зажигать;*
- *5 листов свидетельственных;*
- *3 кружала стальных и медных, ко всякому делу пригодных;*
- *да многие молоты и наковальни и ракеты, что делают огненные ядры и к подкопному делу пригодны;*
- *да коробы со всякою мелочью: с пилами, и с молотками, и с клещами;*
- *3 пары пистолей, да коробин, пицаль долгая шкотукая»*⁶⁶.

Как мы видели, в Смоленскую войну обеспечение осадных войск шанцевым инструментом входило в компетенцию головы у Наряду (И. Н. Арбузова). На сей раз эта задача была возложена на А. Грановского и его полк. Вслед за главной армией 20 июня два офицера полка Грановского повезли присланные из городов и специально изготовленные *«к подкопному делу»*: 2394 топора, 30 ломов, 285 *«лопат окованных»*, 1021 заступ, 370 кирок. Сверх обычного инструмента в их обозе находились *«снасти»*, сделанные *«по образцу»* самого полковника: 14 особых лопат, 17 кирок *«широких»*, 17 кирок *«острых»*, 20 молотов, 20 крюков, 30 *«клинов больших и малых»*, 20 больших и малых свёрл, 20 больших и малых пил, *«подъём»* (лебёдка). Всё это также было необходимо к подкопному делу⁶⁷.

Инженеры и драгуны А. Грановского в составе Большого Государева Наряда

Формирование и снаряжение полка, его обоза и прочие приготовления к походу заняли более двух месяцев с конца марта по конец мая 1654 г. В какой-то момент старший инженер «за полком» Бертран Делакости был выведен из-под команды своего соотечественника и переподчинён окольному Богдану Матвеевичу Хитрово. Последний отвечал за расположение войск в Государевом походе в целом, а также за «государевы станы». Ему был крайне необходим хороший квартирмейстер и чертежник, каковым зарекомендовал себя Делакости⁶⁸. В итоге француз одним из первых оказался под стенами Смоленска. 23 июня с Ульфова двора Алексей Михайлович из своего Государева полка отправил целый корпус (до 5 тысяч чел.) во главе с Хитрово «...идти под Смоленск и рассмотреть, где Государеву стану быть пригож»⁶⁹. Предварительно для стана выбрали место бывшего укрепленного лагеря кн. С.В. Прозоровского, где в 1633 г. шли самые упорные бои с войском Владислава IV. Место это было показано Делакости, и тот, ознакомившись с некоей «рописью» (видимо, с требованиями к лагерю), одобрил выбор окольного. Затем составили чертеж местности и будущих укреплений. 28 июня дворяне, лично присланные Царем, вместе с Хитрово вновь осмотрели стан, и сотенный голова Невежа Самарин примчал к Алексею Михайловичу со следующей любопытной отпиской:

«Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Богдашко Хитрово, Максимко Лихачев челом бьют.

По твоему государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу присланы к нам, холопом твоим, дворяне Данило Зубов, Федор Перхуров, Невежа Самарин, а велено нам, холопом твоим, досмотреть, где был табар боярина князь Семена Васильевича Прозоровского⁷⁰. И мы, холопи твои, на табар пришли и смотрили. Да иноземец Бертран Делакаста на том месте был же, и роспись, Государь, какова нам, холопом твоим, дана, ему, иноземцу, чли. И он, Государь, то место хвалит. И дворян, государь, Данила Зубова, Невежу Самарина, Федора Перхурова, к тебе, Государю, мы, холопи твои, и с чертежем отпустили»⁷¹.

Сам полк А. Грановского после открытия парада в Кремле (18 мая) выступил из столицы только 28 мая 1654 г. В его составе насчитывалось

987 рядовых драгун; следом двинулись и иноземцы «за полком». Вскоре они прибыли в Вязьму, где находилось сорок осадных орудий со всеми запасами, и поступили в распоряжение воевод Наряда⁷².

В результате организация всего титульного полка (Государев Большой Наряд боярина и воеводы Долматова-Карпова со товарищи) получила следующий вид:

1. Осадные орудия (40 пищалей, несколько мортир и, возможно, дробовиков).
2. Московские пушки, которые вместе со своими орудиями разделены на отряды во главе с 10 «письменными головами».
3. Ремесленники из ведомства Пушкарского приказа (кузнецы, зелейные мастера, плотники, резцы и пр.).
4. Даточные люди.
5. Полк драгунского строя А. А. Грановского, с офицерами-артиллеристами в каждой роте и штатом заповковых начальных людей, а также шанцевым и подкопным инструментом для драгун и даточных людей в обозе.

Подвод с посошными людьми, специально прикомандированных к артиллерийскому парку, на сей раз не было: транспортные средства были общими на всю армию, и лошади с возницами, едва отвезя пушки, могли сразу отправляться за сухарями или пороховыми запасами. Это позволяло рациональнее использовать ограниченные возможности Ямского приказа и собранных посошных людей.

В идеале получалась весьма стройная организация, вполне в духе Московского царства с его приверженностью к десятичной системе. Орудия и пушки разделены на 10 батарей по 4 пищали, под командой дворянских «голов у наряду». На каждую такую батарею приходится по роте драгун (100 ч.) с инженерами-артиллеристами из иноземцев и необходимое количество даточных людей (возможно, по сотне «пионер»). Несмотря на всю условность подобной схемы (в частности, не учтены мортиры), она угадывается в отдельных действиях руководства Нарядом.

Так, первая рота драгун в 100 ч. отправилась из Вязьмы к Смоленску 19 июня 1654 г., сопровождая четыре пищали «*галансково самово меншово наряду*» (по 150–200 пудов каждая); 24 числа еще 50 драгун в качестве возниц у даточных подвод (поскольку ямщики разбежались)

повезли к армии 50 ларей с прибывшим из Риги через Псков оружием. Впрочем, через несколько дней эти драгуны вернулись в Вязьму. Когда же «*воеводы у Наряда*» получили предписание отправить к Смоленску самого полковника, они не сразу поняли, как его отпустить, «...*преже ли Наряду или с Нарядом?*». Но Грановский по собственной инициативе не стал дожидаться дальнейших разъяснений и 2 июля спешно выступил к Смоленску, «...*а подкопных мастеров и вымышленников и подкопные всякие снасти взял с собою*»⁷³. Полковника сопровождало пять сотен драгун. С подполковником Виганом Кригером при Наряде в Вязьме осталось всего 250 чел., а остальные 150, должно быть, находились в других «*посылках*». Следует отметить важный момент: Грановский подчинялся не воеводам у Большого Наряда, а напрямую Царю Алексею Михайловичу.

Другой весьма показательный пример нового восприятия организации Большого Наряда связан с периодом завершения кампании. Армия боярина кн. Я. К. Черкасского после неудачного приступа (18 августа) осадила крепость Дубровну, расположенную на берегу Днепра в сотне верст западнее Смоленска. Вскоре туда была отправлена рота драгун Грановского во главе с капитаном-иноземцем «*Афустом Ивановым*» (Августом Мелетом)⁷⁴. Одной из задач их являлось, по-видимому, оборудование осадной батареи. В сентябре, когда бои под Смоленском завершились, четыре орудия Большого Наряда с сотней даточных людей были доставлены под Дубровну по Днепру на плотах⁷⁵. Таким образом, на осадных позициях оказались следующие части:

1. Четыре стенобитных орудия («Левик», «Соловей» и две «*галанки*» (по пуду 15 фунтов)) с московскими пушкарями.
2. Отряд даточных людей (100 ч.).
3. Рота драгун полка Грановского капитана Августа Мелета (100 ч.).

Интересно, что заместителем Мелета в этой экспедиции оказался поручик Семен Хворый. В мартовской росписи первый указан в 6-й роте, а второй — в 9-й. В данном случае Мелету как иноземцу «*нового выезда*», явно не знавшему русского языка и армейских правил, понадобился русский помощник из начальных людей драгунского строя, который непосредственно командовал драгунами и служил передаточным звеном между иностранцем и русскими военачальниками. Поручика 6-й роты Еремея Ницкого, или Нетчина, петардщика

по специальности, оставили в полку, посчитав излишним отправлять к Дубровне двух специалистов-инженеров.

Под самим Смоленском полк Грановского не только участвовал в установке осадных батарей, но и получил свой участок инженерной атаки — напротив башни Веселуха. На осадных позициях драгуны оказались не позже середины июля⁷⁶. В то же время «горододельцы» и даточные люди повели подкоп под крепостные стены. Особого успеха они не добились, но в сентябре слухи об этих подземных работах и неспособность им противодействовать стали одной из причин добровольной сдачи польского гарнизона.

16 августа 1654 г. русские войска произвели штурм Смоленска, причем Антоний Грановский, в отличие от остальных начальников, использовал даточных людей: «А на приступе были воеводы: [...] у Наугольной башни у Веселухи с лесницами был окольников и воеводы князь Дмитрей Алексеевич Долгоруково, а с ним полковник Антон Грановской с драгуны и с даточными людьми»⁷⁷. Во время этого неудачного штурма пулевое ранение в ногу получил поручик 3-й роты Устин Мещеринов. Видимо, за эту рану он вскоре был произведен в капитаны⁷⁸. Возможно, был ранен и сам полковник: в следующем году его назначили на воеводство, что в военное время для дворян обычно являлось наградой «за кровь».

После падения Дубровны, в октябре 1654 г. царская конница, включая драгун Грановского, была распущена по домам до весны. В задачи кампании следующего, 1655 г. не входили долговременные осады вражеских крепостей, в связи с чем осадный корпус (Большой Наряд) был оставлен в тылу⁷⁹ и реорганизован. Самого Грановского сочли возможным отправить на воеводство в Уфу, где он и скончался около 1656/1657 г. Команду над его полком передали другому французскому полковнику, Клавдиусу Деспевиллю, который в 1654 г. с успехом возглавлял отборных комарицких драгун Государева полка. Вместе с ним в бывший полк Грановского перешёл ряд драгунских офицеров из «русских людей», подготовленных к службе в бывшем дворянском училище Фанбуковена⁸⁰. Одновременно начальные люди «огнестрельного дела» покинули ряды ротных командиров, и полк полностью утратил свою инженерно-артиллерийскую специализацию. Вместо этого его направили в авангардные части, формально оставив в составе Государева полка⁸¹.

Под началом Деспевия в кампании 1655 г. драгуны «из казаков» бились под Борисовым и в иных «*посылках*». Также они приняли участие во взятии Вильно, после чего перешли в ведение полковника Христофора Юнкмана (Деспевия временно отпустили во Францию)⁸². В дальнейшем драгунский полк Юнкмана стал одним из самых передовых в русской армии: в Государевом походе 1656 г. он участвовал в боях под Динабургом, взятии Куконоса и осаде Риги. В 1657–1658 гг. под началом кн. И. А. Хованского громил шведов под Гдовом и в Эстляндии, в 1658–1659 гг. был привлечён к борьбе с мятежом гетмана Ивана Выговского и отражению татарских набегов. Полковник Юнкман погиб во главе своих драгун в битве на р. Басе (1660 г.)⁸³, но боевой путь полка на этом не завершился...

Осадный парк и инженеры во Втором Государевом походе (1655 г.)

На данный момент нельзя объяснить, по каким субъективным причинам в начале летней кампании 1655 г. Антоний Грановский, доверенное лицо Царя и боярина Милославского по вопросам организации осадного корпуса, в разгар войны уехал на воеводство в Уфу, а место старшего офицера «*заполковых начальных людей*» занял Бертран Делакости. При этом regiment Грановского полностью утратил прежний характер полка «*у огнестрельного дела*» и стал просто драгунским. Резонов же чисто умозрительных, «объективных», можно привести целый перечень.

Одной из подсказок в решении этого вопроса может стать судьба другого образцового полка, который также не пережил кампанию 1654 г. Речь идёт о полке гусарского строя Христофора Рыльского, сформированном весной 1654 г. из служилых иноземцев польско-литовского и балканского происхождения. Полк в составе 10 рот гусар и 4 рот драгун (1400 чел.) присутствовал при осаде Смоленска, находясь в охране Государевой особы, но ни в одном полевом бою участия не принял. По окончании кампании гусары и приданные им драгуны были распределены по существующим рейтарским полкам, а престарелый уже Христофор Рыльский вернулся к своему положению московского дворянина. Всё это никак не было связано с какой-либо опалой, поскольку в 1657 г. он даже претендовал на «*придачу*» к окладу по образцу

сотенных голов Государева полка. Просто командование проанализировало итоги кампании и посчитало излишней роскошью содержать заведомо небоевой парадный полк, тогда как «рабочие лошадки» — рейтарские части — страдают от некомплекта⁸⁴. Подобный ход мысли угадывается и в отношении полка Грановского. Его казаки приобрели боевой опыт и, обладая неплохим для драгун конским составом, могли быть с большой пользой брошены на передовую. Престарелый же француз не годился на роль лихого кавалерийского командира и отпросился на относительно неплохое для своего статуса воеводство.

После «перепрофилирования» самого драгунского полка был решен вопрос о начальных людях инженерно-артиллерийских специальностей. К июлю 1655 г. офицеры, уволенные из строевого состава полка Грановского, образовали отряд «иноземцев пушешного наряду» во главе с известным нам Бертраном Делакости, уже не капитаном, а «пушешново наряду подполковником». Под его начало поступили, в частности, майор Корнилиус Фанбуковен и капитан Август Мелет. Сверх этого команда была усилена новоприбывшими иностранцами, такими как майоры Вилим Бели, Яган Польшман⁸⁵ и Андрей Балка.

В отличие от команды «начальных людей опроче полку у обозного вымыслу», созданной в 1654 г., в перечне офицеров «пушешново наряду, и которые остались за полками» уже не указывалась специализация каждого офицера, они шли под общим заголовком. По воинским званиям и набору чинов, команда выглядела следующим образом:

- 1 подполковник (Бертран Делакости);
- 3 майора (Вилим Бели, Яган Полман, Андрей Балка);
- 3 капитана (Яган Страсбург, Яков Кулди, Август Мелет);
- 2 поручика (Еремей Ницки, Семен Асагаев);
- 1 прапорщик (Глаут Контес)⁸⁶.

Важнейшей задачей подобных офицеров, судя по позднейшей практике, было обслуживание «верховых пушек»-мортир: как их наводка на цель, так и изготовление чиненых порохом бомб. Кроме того, они могли снаряжать и правильно обращаться с ручными гранатами, тогда как специализированных подразделений рядовых солдат-«гренадеров» пока не существовало. Известно, что иностранец Яган Страсбург, даже дослужившись до полковника, лично бросал ручные гранаты в толпу казаков во время выборов нового гетмана на Левобережной Украине

(17 июня 1663 г.)⁸⁷. В походе 1655 г., как мы видим, на каждую мортиру приходилось по одному, а то и по два специалиста-иностранца.

После падения наиболее важных крепостей на Днепре перед командованием было поставлено две задачи: развивать наступление вглубь Речи Посполитой и всемерно закреплять за собой уже занятые города. В связи с этим половина орудий Государева Большого Наряда была оставлена в Смоленске. Пока не нашлось источников, свидетельствующих о том, принял ли участие в Государевом походе отряд *«начальных людей опроче полку у обозного вымыслу»*, или же его специалистов привлекли к крепостным работам в тылу. Обнаружен лишь документ о даче жалования *«подкопных дел подмастерью»* Микифору Гребневу⁸⁸, из чего следует, что этот ветеран двух осад Смоленска в поход на Вильну выступил.

По попыту смоленской осады парк в 40 орудий был признан слишком громоздким (даже при перевозке орудий не из Москвы, а только из Вязьмы). Реально стены крепости были разгромлены меньшим количеством орудий⁸⁹, поэтому в 1655 г. оказалось вполне достаточным взять новый поход только 22 тяжёлых пищаля, благо, что укреплений, подобных смоленским, на пути царской армии уже не было. Кроме того, в состав Большого Наряда вошло 8 мортир.

О количестве московских пушкарей известно, что 16 ноября 1655 г. 64 человека, *«Алешка Степанов со товарищи»*, были отпущены из Смоленска по домам в Москву, а вместо них последовало распоряжение прислать других 64 человек, *«которые не были»*⁹⁰.

С тем чтобы продиктовать польскому королю свои условия мира, Алексей Михайлович решил не прекращать поход, не заняв при этом Вильны, Варшавы и Кракова. Разрозненные отряды литовского войска уже не могли остановить продвижение царской армии. Однако весной — летом 1655 г. на пути появились затруднения другого рода: и без того неважные дороги Белоруссии испортили мощные проливные дожди, а уровень воды в реках долго не падал, затрудняя наведение переправ. Не желая упускать времени, Алексей Михайлович форсировал наступление на Вильну, вступив в неё 4 августа 1655 г. После этого Большой Наряд боярина Долматова-Карпова, предназначенный для возможной осады литовской столицы, был остановлен недалеко от Орши с повелением вернуться Днепром в Смоленск⁹¹.

Под Оршей, в Кутеинском монастыре Большой Наряд отдали под охрану трёх рот полка Кашпира Яндера (440 чел.) — тех самых важных солдат, которых прочили на эту роль еще в марте 1654 г. Солдатский полк К. Яндера к концу 1655 г. состоял в гарнизоне Шклова⁹², так что решение о временной отправке части его солдат в Оршу выглядит вполне логичным и никак не связанным с какой-то преемственностью от полка Грановского⁹³. Кстати, в августе — сентябре и сам Кашпир Яндер участвовал с солдатами в транспортировке Наряда к Днепру, а затем 100 солдат его полка были назначены «для провожанья за тем Нарядом» и «для обереганья» его на стругах до Смоленска. Первые 12 пищалей и все 8 мортир, а также запасы к ним были погружены на 25 стругов, но Долматов-Карпов пожаловался, что воеводы прислали из городов в гребцы только по 10 посошных людей на судно вместо 15-ти⁹⁴. В обратном речном походе второй воевода, кн. Щетинин, и два головы возглавляли суда с Нарядом, еще двое голов — суда с пороховой казной, а голова Аксентий Колтовской повёз лошадей и телеги в Шклов.

Кстати, наиболее ценные польские и бывшие русские пищали⁹⁵, захваченные царским войском в Вильне, были направлены в сентябре 1655 г. в Шклов под началом окольного Микифора Сергеевича Собакина и дьяка Ивана Новикова. Сопровождавшие их солдаты (529 чел. полка генерала Авраама Лесли) по всему пути следования чинили гати и мосты и вырубкой расширяли лесные дороги. В Шклове орудия также погрузили на струги и отвезли в Смоленск⁹⁶.

Конец кампании был отмечен скандальным разносом со стороны царя главе Большого Наряда боярину Долматову-Карпову. Из-за упомянутой нехватки гребцов на стругах, а больше по собственной нерасторопности они не вывезли вовремя в Смоленск орудия Большого Наряда, за что получили эмоциональный выговор. Алексей Михайлович в раздражении писал Долматову-Карпову и кн. Щетинину: «*Не впервые вы то дело делаете, другой год ко Государю не поспевае-те, то вам дело заобычей!*»⁹⁷. Интересно, что эти слова — единственное свидетельство, по которому можно оценить деятельность «воевод у Наряду» вообще за две кампании, настолько бесцветны и формальны их деловые отписки к царю, и настолько вообще непонятна их собственная роль в руководстве осадной артиллерией, помимо рутинного исполнения прямых царских указов и распоряжений.

Осадная артиллерия и инженеры в Рижском государевом походе 1656 г.

Летом 1655 г. в русско-польский военный конфликт вмешался третий большой игрок — Шведское королевство. По размытым ливневыми дождями дорогам Польши и северо-западной Литвы шведские войска достигли и в неимоверно короткие сроки заняли Варшаву, Краков и десятки других городов Речи Посполитой. Ошеломительный успех короля Карла X Густава настолько потряс современников, что получил название «Потопа» — шведского, или кровавого Потопа. В упоении успехами, и более того — не придавая должного значения связям с Россией, шведский король отказался признавать за Царём титул «великого князя Литовского», принятый Алексеем Михайловичем после взятия Вильно, и не скупился на обещания помощи «*против москвы и казаков*», чтобы снискать симпатии польской шляхты. Ввиду реальной опасности столкновения с объединёнными польско-шведскими войсками царь решил нанести упреждающий удар⁹⁸. К счастью, он располагал сильнейшей на тот момент полевой армией и осадным корпусом. Целью наступления были выбраны Динабург (Даугавпилс) и Рига, причём не только из политических, но и из стратегических соображений. К крепостям вела основная водная артерия региона — река Западная Двина, верховья которой были заняты царскими войсками ещё в 1654 г. Поход «*главной ратью*» с осадной артиллерией был традиционным способом передвижения русского войска ещё со второй половины XV в.

В феврале 1656 г. в Смоленском уезде на озере Каспля, связанным протокой с Западной Двиной, под руководством воеводы Семёна Андреевича Змеева началась постройка грандиозной флотилии из 600 стругов для перевозки войск и снаряжения. Еще несколько сотен судов стали готовить под крепостью Белая, а также в Витебске и Полоцке. К июлю задача была в основном выполнена. Смоленские струги обычного для двинского судоходства типа имели длину от 8 до 17 сажень (16–35 м) и могли свободно вмещать по 50 солдат или стрельцов со всем запасом. Изначальный расчёт на 400 стругов для перевозки пехоты (20000 чел.) оказался избыточен: реально в походе приняло участие не более 15 тысяч пеших ратников⁹⁹. Прочие суда использовались для доставки продовольствия, разного рода припасов

и эвакуации раненых и больных нижних чинов¹⁰⁰. Отдельные струги были выделены на перевозку полковой и осадной артиллерии.

Материальную часть осадного парка составляли 6 прежних пищалей «русского литья» и 16 «голландского литья», а также 11 мортир и 2 дробовые пищали¹⁰¹. Поскольку орудия русского производства остались прежними, имеет смысл привести перечень оставленных в строю «галанских пищалей»¹⁰².

Тип пищали-«галанки»	Калибр в пудах и фунтах («гривенках»)	Кол-во
1	1 пуд 18 фунтов	2
2	1 пуд 15 фунтов	2
3	1 пуд 10 фунтов	6
4	1 пуд 7 фунтов	6

Судя по этому перечню, совсем отказались от использования одной 13-фунтовой пищали, тогда как самые крупные остались в прежнем количестве. Из этого напрашивается вывод, что сокращение «голландского» Наряда находилось в пропорциональной зависимости от количества оставшихся боеприпасов (чугунных ядер), а вовсе не по критериям эффективности.

Заметно увеличение «огненного наряда» с 8 в 1655 г. до 11 орудий в Рижском походе. Разрывные крупнокалиберные снаряды (гранаты большие) были гораздо эффективнее чугунных ядер в борьбе с новейшей земляной фортификацией, которая усиливала ключевые крепости в остзейских провинциях Швеции. Кроме того, командование считало необходимым взять в поход «две пищали дробовых на станках».

Государев Наряд оставался под командой прежних воевод, только число дворян — «письменных голов», увеличилось до 12 чел. Исходя из данных росписи осадных батарей под Ригой, было сформировано 8 батарей по 2 голландских пищали (Давыд Неплюев, Семен Корсаков, Семен Давыдов, Яков Кафтырев, Нефедий Шишков, Ерофей Полтев, Микита Загряжский, Аксентий Колтовской). Затем, правда, от Нефедья Шишкова одну пищаль передали в батарею Якова Кафтырева. Русские орудия были распределены по-другому. У головы Никифора Поленова — три самые «малые» пищали («Соловей», «Грановитая» и «Левик»), у князя Дмитрия Волконского — две средние («Аспид»

Изображение королевского города Риги и его осады Великим Московским Царем Алексеем Михайловичем в 1656 г. Габриэль Пирелли. Гравюра. Вторая половина XVII века

и «Марс»), а у князя Зиновия Вяземского — только одно, но крупнейшее русское орудие — пищаль «Троил». Еще один голова в росписи не упомянут, но он мог отвечать за мортиры, дробовые пищали или быть в помощниках у воевод.

Сведений о количестве московских пушкарей и разного рода ремесленников обнаружить пока не удалось. Известно, что Государев Наряд по-прежнему сопровождало определённое число даточных людей¹⁰³. Можно лишь предположить, что численность этих разрядов ратных людей была достаточной для обслуживания артиллерии.

Вполне закономерное участие в походе и осадах Динабурга, Кокенгаузена и Риги команды *«иноземцев у пушечного наряду»* находит лишь косвенное подтверждение в документах. 13 сентября 1656 г. поручику Юрию Шкоту из полка генерал-майора Вилима Дромонта, который находился в шанцах под Ригой, было *«...велено быти в капитанех у гранатного дела»*. Подобное же распоряжение (быть по государеву указу *«у гранатного дела»*) получил в Смоленске поручик полка Ефима Франзбекова Петр Осипов сын Ваславский¹⁰⁴. В целом нет оснований считать, что отряд иноземцев-артиллеристов был оставлен в Смоленске, напротив, его продолжали расширять даже за счет строевых офицеров солдатских полков. Приступы к Динабургу и Кокенгаузену велись при помощи обстрела мортирными бомбами и с применением ручных гранат¹⁰⁵; интенсивный обстрел Риги русским Большим Нарядом также произвёл впечатление на шведов количеством и разнообразием применяемых артиллерийских снарядов¹⁰⁶.

Судить о составе и численности офицеров инженерно-артиллерийской специализации под Ригой можно по росписи на выдачу жалования, составленной 8 сентября 1657 года¹⁰⁷. Их перечень снова поменял название и теперь в составе отряда значились *«гранатного дела начальные люди»* (а не *«начальные люди пушечного наряду»*):

- 1 подполковник (Яган Страсбурх);
- 1 майор (Миколай Балк);
- 4 капитана (Еремей Ницкий, Яков Кунди, Юрья Шкот, Юст Фанкерговен);
- 1 поручик (Кондратей Индрик);
- 2 прапорщика (Вилим Герн, Андреян Фанкеркговен);
- 2 русских *«гранатного дела ученика, что были у Ивана Ваславского»* (Микифор Гребнев, Ларион Дмитриев).

Список показывает, что за два года состав мастеров гранатного дела сильно обновился: здесь всего трое или четверо бывших иноземцев *«пушечного наряду»* (1655 г.), и все — с повышением в чине. Кроме того, в строю снова Юст и Андреян Фанкеркговеты (после 1654 г.). Впрочем, они могли и не участвовать в Рижском походе, оставаясь в тылу *«у гранатного дела»*. Не исключено, что убыль ряда начальных людей связана с потерями под Ригой. Замечательно, что число начальных людей и учеников точно совпадает с количеством мортир, взятых в Рижский

поход 1656 г. (по 11). Но самое интересное — это русские «*гранатного дела ученики*» некоего мастера Ивана Ваславского (возможно, это тот же Пётр Ваславский смоленского гарнизона или его ближайший родственник). Перед нами явно не случайные люди: уже известный Микифор Гребнев (с прежним званием «*подкопщик*» и прежним жалованием по 10 денег на день), а также менее пожалованный стрелец Стремянного приказа Ларион Дмитриев. Как видим, в недрах инженерного корпуса уже зародился процесс подготовки мастеров гранатного дела из «*русских людей*».

Остаётся еще одна команда военных инженеров — тех, которые в 1654 г. были оставлены «*за полком*» Грановского. Они также должны были принять участие в Рижском походе, причём досадный (для русской стороны) эпизод произошёл с бывшим шведским лейтенантом, лифляндцем Рейнголдом Модеусом. По шведским сведениям, к 1656 г. он дослужился до звания подполковника, то есть по аналогии с Б. Делакости или Я. Страсбургом возглавлял всю команду «*вымысленников за полками*». При начале войны со Швецией он дезертировал из рядов царской армии и 22 сентября 1656 г. объявился у короля Карла X Густава во Фрауенбурге. Король немедленно наградил его суммой в 600 риксдалеров и пожаловал целым рядом поместий в Швеции и Лифляндии. Кстати, этот пример, как и более ранний случай с Фан Роденбургом, решительно опровергает огульно низкую оценку профессиональных качеств иноземцев на русской службе того времени. Карл X Густав не только оставил своего бывшего лейтенанта в звании «*подполковника*», полученном на царской службе, но и доверил ему командование артиллерийской ротой, собранной в 1656 г. из прусских гарнизонов; в 1663 г. Модеус был аnobлирован в Швеции как *Modée*¹⁰⁸.

Что же касается пехотного сопровождения Большого Наряда, то, как и в кампанию 1654 г., это был не один отряд. Вначале, когда 35 осадных орудий, 34 «*пищали полковых*» и ядра к ним (3 900 ядер чугунных и полых «*грановитых*») были доставлены на пристань озера Каспля, погружены на суда и перевезены в Витебск, за их прием и охрану отвечал голова московских стрельцов Иван Нелидов¹⁰⁹. Снова заметим, что пороховых запасов при пищалях в тот момент еще не было, так что стрельцы с фитильными мушкетами опасности для Наряда не представляли. Из судов, кстати, в этой перевозке 69 орудий было

задействовано всего 19 больших стругов и 5 лодок. Речной путь позволял отказаться от тысячи тяглых лошадей и сотен извозчиков, то есть радикально сокращал число транспортных единиц, предназначенных для перевозки артиллерии.

Ко времени доставки Большого Наряда в Витебск командование создало для его охраны новый драгунский полк. Полк получился импровизированным, его бойцов в росписях именовали то «*драгунами*», то «*солдатами*». С большой долей вероятности можно предположить, что рядовые полка получили снаряжение драгунского типа (мушкеты с кремневыми замками, шпаги и лядунки), но при этом не имели лошадей.

Полк состоял из новонабранных «*дворцовых солдат*», в основном из бывших владений боярина Н. И. Романова. Эти богатые вотчины: Романово городище на р. Воронеж, рязанский городок Скопин, села Муромского уезда, Стародуб-Ряполовский — были изъяты на Государя как выморочные после кончины бездетного боярина Никиты Ивановича в декабре 1654 г. и превращены в новые дворцовые волости (приказа Большого Дворца). Уже через несколько месяцев там был проведён первый набор в солдатский строй, и летом 1655 г. солдаты «*скопинцы и романовцы*», похоже, под началом полковника Юрья Инглеса¹¹⁰, прибыли под Смоленск. Кстати, уже 20 октября, на завершающей стадии этой кампании, в случае нехватки солдат А. Лесли Микифору Собакину предписывалось привлечь этот полк к перевозке трофейных пищалей: «*И вы б в прибавку к ним за Нарядом послали скопинцов и романовцов*»¹¹¹. Вскоре дворцовых солдат временно распустили по домам, но весной 1656 г. они вновь собрались в Смоленске. Полк состоял из 10 рот (судя по числу офицеров), но вряд ли достигал тысячного состава, как и большинство полков Рижского похода 1656 г. В его составе, согласно списку раненых под Ригой, отмечаются скопинцы, муромцы, романовцы, стародубец, севчанин, «*важня*», нижегородец, свияжские татары, оршанец и «*иноземец*»¹¹².

Для командования «*скопинцами и романовцами*» из Борисова вызвали полковника Томаса Бели, известного в будущем военного инженера русской армии¹¹³. В 1655 г. он получил в свое распоряжение новоприборный солдатский полк и был оставлен в гарнизоне Борисова — важной крепости на р. Березине. Здесь в течение года вместе

с воеводой Автономом Еропкиным он занимался починкой старых и возведением новых укреплений. Кроме того, две роты солдат Т. Бели строили крепость в Минске¹¹⁴. Летом 1656 г. полковника-иностранца временно отозвали в Государев поход, так что в продолжение Рижской кампании он формально возглавлял два полка: драгунский при Наряде и солдатский в Борисове.

Остальные начальные люди полка дворцовых солдат не имели инженерных специальностей¹¹⁵, то есть это была обычная строевая часть. Следует отметить вопрос с майорами. По правилу, установившемуся еще в Смоленскую войну, майоры отвечали за всю материальную часть полка — снаряжение и оружие (в ротам им помогали каптенармусы). Но в 1656 г. в сентябрьском списке начальных людей, «... что были у скопинцев, романовцов, стародубцов», указано целых два майора: «из русских людей из стряпчих — Михаил Петров сын Колупаев» и иностранец Денис Валентинов сын Бильс. Из них двоих 27 июля 1656 г. струги с Нарядом и ядрами вместе с Томасом Бели принимал у головы Ивана Нелидова Михаил Колупаев¹¹⁶. Впоследствии Колупаев упоминается как временный голова стрелецких приказов, но в прежнем звании майора, а затем подполковника¹¹⁷.

В данном же случае он выступает в яркой роли офицера «из русских людей», специально назначенного наблюдать за материальной частью осадной артиллерии, являясь вторым майором драгунского полка (при этом подполковника в штате не было). В Полоцке Колупаев передал осадные орудия и снасти боярину Долматову-Карпову. Боярин, «расписавшись» с майором, тут же поручил именно ему вновь «расписывать» пищали по стругам и раздавать их «письменным головам у Наряду» (вначале речь шла только о «Наряде галансково литья»). На сей раз головы с самим Колупаевым не «расписывались», о чём он на всякий случай официально сообщил в Иностранский приказ. Интересно, что из 34 «полковых пищалей» майор разослал в полки «по памятям» от дьяков Иностранского и Стрелецкого приказов только 26 орудий, а восемь за ненадобностью остались в Полоцке¹¹⁸. Отметим, что в дальнейшем практика назначения особого майора для заведования «нарядом» продержалась аж до Азовских походов. Поскольку в 1695 г. вся полевая артиллерия генеральства Патрика Гордона (43 полковых орудия и 10 мортир) формально ведалась в головном

Бутырском выборном полку, в его штат вошли обычный, «*полковой майор*», и «*майор артиллерии*» (с месячным жалованием в 45 рублей против 30 у остальных майоров)¹¹⁹.

Документы зафиксировали поразительную скорость, с которой в 1656 г. часть Большого Наряда была доставлена к действующей армии. На пристани в Каспле «*пушки и пушечные запасы*» были погружены на суда около 22 июля, 27 числа переданы в Витебске Томасу Бели, а к 31 июля часть из них уже была установлена на осадные позиции при Динабурге и подготовила взятие крепости: «*От первых шанец, где стояли пушки большие, шли на приступ к Динемберку*» бойцы первой штурмовой колонны (1200 чел.). Одновременно во второй колонне ходили на штурм «*драгунского строя Томасова полку Бели драгунов 100 человек*»¹²⁰.

Затем осадные орудия приняли участие в осаде Кокенгаузена (взят 14 августа 1656 г.), а в конце августа начали обстрел рижских укреплений. Оставляя форштадт города с недостроенным земляным валом, шведы в спешке бросили нетронутыми пригородные сады, что сильно облегчило русской пехоте земляные работы. В сжатые сроки солдаты и стрельцы возвели 12 земляных «*городков*» для укрытия от обстрела и стали рыть апроши к стенам и рву крепости. Полк Томаса Бели повёл траншейную атаку на одном из опаснейших участков — вдоль берега Западной Двины (к юго-востоку от крепости). По шведским данным, к концу осады в нём числилось всего 500 чел., но вполне возможно, что некоторая часть драгун была занята на охране осадных батарей¹²¹.

Основной причиной снятия осады Риги и отказа от штурма стало то, что установить морскую блокаду крепости и добиться сдачи её путём переговоров не удалось. Надежды на помощь датского флота были напрасными, а попытки захвата шведских фортов, прикрывающих устье Двины, или использования силы собственной флотилии оказались неудачными. После прибытия морем первых шведских подкреплений (12 сентября) царь поставил вопрос о возможности немедленного взятия крепости приступом и целесообразности дальнейшей осады. Старейший офицер-иноземец, генерал Аврам Лесли, и большинство полковников высказали обоснованные сомнения¹²², и через несколько дней началась скрытая подготовка эвакуации осадного корпуса. Политическая причина войны со Швецией — опасность польско-

шведской унии — к тому времени давно стала неактуальной, и в этих условиях провал штурма или затяжная осада нанесли бы большой урон престижу русского государя, нежели спокойное своевременное отступление.

Последним «инженерным» эпизодом Рижского похода стала эвакуация Большого Наряда через двинские пороги (7–12 октября 1656 г.). Полк Томаса Бели уже не указан при Наряде, а «*проведение*» стругов с орудиями было возложено на сводный отряд московских стрельцов (800 чел.). Правда, когда половина из них самовольно покинула орудия, на помощь стрельцам срочно отправили 820 солдат из разных полков¹²³. Шведы не решились преследовать русскую армию. Отступление завершилось благополучно, что было редкостью для крупной осадной армии того времени.

Заключение

Итак, подробный обзор перемен в организации инженерно-артиллерийского корпуса русской армии за 1632–1656 гг. позволяет сделать ряд обобщающих наблюдений. Во-первых, можно выделить нечто традиционное, что по сравнению с предшествующим периодом лишь более развернуто воспроизводится источниками, и кое-что совершенно новое.

К традиционному следует отнести главное командование, материальную часть и личный состав московских пушкарей — особое военное сословие Русского государства. Как и в XVI столетии, осадная артиллерия выделялась в особую команду, не смешиваясь с полковыми пищальями. Чины ее командиров зависели от статуса ратного похода: в случае, если армию возглавлял боярин и воевода (как в 1632–1634 гг.), артиллерией руководил «*голова у Наряду*», если же на войну отправлялся сам Царь (как в 1654–1656 гг.), то Большой Государев Наряд получал статус отдельного титульного полка во главе с двумя воеводами. В обоих случаях при Наряде имелся штат «*письменных голов у Наряду*» из дворян — либо городских, либо московских. Во время осады или полевых боев дворяне командовали импровизированными батареями из нескольких орудий, а в походе могли выполнять отдельные поручения. На протяжении изученного периода мы видим постоянное уменьшение размеров подобных батарей.

В 1656 г. двое голов командовали вообще отдельными расчетами (пищалью «Троил» и одной из «галанок»). Московских пушкарей распределяли из расчета от одного до четырех и более человек на орудие, остальные «*поддатни*» набирались из посошных людей либо (не исключено) из драгун сопровождения.

Постоянной величиной при Наряде являлся и отряд рабочих («*пионеров*»), которых набирали из посошных или даточных людей и снабжали шанцевым инструментом, необходимым для оборудования артиллерийских позиций и ведения подкопных работ.

Наиболее импровизированным образом дело обстояло с транспортом. Речи не шло и не могло идти о постоянном фурштате для осадной артиллерии — эта служба оказалась бы слишком затратной для казны. Напротив, командование использовало все возможное многообразие гужевого транспорта: «*сборные подводы*» с посошными людьми, наемные подводы, ямские подводы с ямщиками или, в случае их бегства, с драгунами сопровождения, и т.п. С одной стороны, это позволяло рациональнее использовать все наличные подводы без какого-либо простоя. Но, как показывает подробный обзор оперативной ситуации, командование увлекалось доставкой самого разного рода припасов, тогда как стенобитные пищали прибывали под стены Смоленска либо с большой задержкой (как в 1633 г.), либо малыми частями (как случилось с доставкой орудий из Вязьмы в 1654 г.). Вообще оперативно переместить гигантский парк в 19 или 40 орудий на сотни верст реально было только «зимним» путём, на санях: в дождливом 1655 г. орудия Большого Наряда так и не отошли далеко от днепровских берегов, и командование на долгие годы отказалось от самой идеи подобных сухопутных походов.

Зато вновь, как и в предшествующие два столетия, полностью оправдал себя речной транспорт. Особенно поразительный результат показал поход «*судовой рати*» в июле 1656 г., когда доставка пусть нескольких стенобитных пищалей или осадных мортир от оз. Каспли к Динабургу заняла порядка десяти суток — и это с учетом установки на позиции! В новом виде представляется вообще всё значение успехов 1654–1656 гг., которые дали русской армии контроль над артерией Западной Двины — единственным прямым водным путём от Смоленска на запад Литвы и к Остзейским провинциям Швеции.

Из новых явлений выделяются два основных момента: более обширный и сложнее организованный, чем прежде, отряд военных инженеров и артиллерийских специалистов из иноземцев и пехотный отряд сопровождения осадной артиллерии. Ключевым и наиболее интересным во всех отношениях является опыт создания Антонием Грановским полка «...у огнестрелново и вымышленово и подкопново и горододелново дела». Следуя новейшим теориям, распространённым в Западной Европе, полковник предложил объединить в одном подразделении драгун охраны осадных орудий, капитанов «огнестрельного дела», способных снаряжать гранаты и бомбы и обслуживать орудия, команду военных инженеров («начальных людей опроче полку») и отряд рабочих артиллерии («пиунер»). Вне всякого сомнения, полк во многом предвосхитил идею знаменитого французского полка «*Fusiliers du Roi*» и его позднейших аналогов в других армиях Западной Европы.

Впрочем, чиновники русского военного ведомства сразу скорректировали идеализм француза, доверив конвой артиллерии новобранцам. И, как оказалось, это стало для них гораздо более твёрдым правилом, чем книжные, оторванные от реальности замыслы Грановского и его единомышленников. Иногда по образцу 1632 г. Большой Наряд сопровождали московские стрельцы, при условии, что со своими фитильными мушкетами они не будут охранять пороховую казну (а только орудия, ядра и полые гранаты). Так же, без пороховых запасов, придавались одному осадному парку и солдатские роты из полков К. Яндера и А. Лесли. Зато для конвоирования пищалей и «*верховых огненных пушек*» на позиции в 1656 г. вновь привлекли полк драгунского строя из новобранцев во главе с инженером Томасом Бели.

«*Капитаны гранатного дела*» разных чинов в 1655 г. были выделены из строевого состава драгунского полка и образовали команду при «*пушечном наряде*»: пушками в то время продолжали называть мортиры, стрельба из которых требовала особых артиллерийских знаний и навыков. В Рижском походе их не стали снова распределять по ротам драгун, казалось бы, окончательно похоронив замысел Грановского. Их число теперь явно совпало с количеством «*верховых пушек*», или мортир осадного корпуса, а «*недостающие*» до штата специалисты впервые стали восполняться учениками из русских стрельцов (по данным 1657 г.).

Только в 1673–1675 гг. в русской армии было воссоздано некоторое подобие структуры Большого Наряда 1654–1656 гг. При Большом Голландском Наряде к походу против турецких войск приготовились 500 московских стрельцов и 500 чел. «*посохи*». То есть, как и замышлял Грановский, на каждого бойца вновь приходилось по одному невооружённому «*пионеру*»¹²⁴. И всё же было бы слишком поспешным считать, что в 1654 г. опыт полка Грановского пришёлся не ко двору в России, «*опередив своё время*». Правильнее сказать, его замысел был кардинально скорректирован, но не по причине каких-то личных пристрастий или непонимания со стороны царских властей и специалистов. Главная проблема — это изменение общей концепции осадной войны, как в России, так и во всей Восточной Европе. Как мы видели, по целому ряду причин стенобитные орудия начинают терять своё значение в борьбе за крепости, уступая место тяжёлым осадным мортирам. Мы не берёмся здесь судить об эффективности огня новейших «*галанок*» или русских «*именных*» пищалей, но по источникам видно, что уже при осаде Риги 1656 г. их стрельба приобрела ярко выраженный террористический, изматывающий характер. Таким образом, командование отказалось от классической идеи создания брешей во вражеских укреплениях для проведения затем решительного штурма. Вместо этого пищали превратились в дополнение к «*верховым пушкам*», бомбы которых производили опустошение внутри городских стен, вызывали пожары и подрывали волю горожан к сопротивлению. В сочетании с надёжной блокадой крепости, угрозой штурма и выгодными условиями капитуляции это могло бы принести свои плоды¹²⁵, но морскую коммуникацию перерезать в тот момент не удалось, а время для подготовки классического реального штурма (а не демонстрации его) оказалось упущено.

Однако в ряде других случаев применение мортирных бомб, гранат, а также ручных гранат стало приносить ощутимый результат. Именно они сыграли важную роль во взятии Динабурга и Кокенгаузена в 1656 г. С возобновлением русско-польской войны отдельные тяжелые мортиры посылались под Конотоп и Старый Быхов в 1659 г. и к Ляховичам в 1660 г. Изложение новой концепции ведения осадной войны, которой стал придерживаться Алексей Михайлович, содержится в его инструкции кн. И. А. Хованскому относительно осады Ляхович и воеводе Микифору Толочанову — касательно осады Копыси в 1661 г.

Хованскому после неудачного штурма Ляховичей Царь прямо запрещает новые попытки: *«И вы бы... над польскими и литовскими городами промысл чинили всякими вымыслы, опричь приступов, чтоб нашим ратным людем в том истери не было»*¹²⁶. В перечне этих самых *«всяких вымыслов»* присутствует и мортира: 23 июня 1660 г. *«верховая пушка с станком»*, 140 *«гранатов»* и *«гранатной стрельбы мастер»* под общим командованием жильца Силы Владыкина достигли Смоленска, для дальнейшего следования судами в Могилёв и далее под Ляховичи; впрочем, к тому времени поляки разбили кн. Хованского при Полонке, и задание стало неактуальным¹²⁷. Что же касается Толочанова, то перед походом на Копысь он получил следующие инструкции от своего начальника, окольного кн. П. А. Долгорукова: *«Приступу к городу отнюдь не быть... а велено мне копоских сидельцов сговаривать и стращать и из пушек стрелять гранатами и огненными ядрами, чтоб город добыть без крови»*. Для этого в распоряжении Толочанова имелись *«огненная»* и *«гранатная пушки»*. Строгий приказ был доведён до его подчинённых, однако полковник Миколай Фанзален (из генеральского полка генерал-поручика Бовмана), вызвав пожар в городе удачными выстрелами из *«огненной верховой пушки»*, в ночь на 13 или 14 октября 1661 г. начал самовольный штурм крепости. Приступ не был поддержан, а затем и вовсе остановлен воеводой. По итогам следствия полковникам-ослушникам сократили кормовое жалование вдвое, а их офицерам — на треть¹²⁸.

Следует отметить, что подобная тактика, основанная на применении мортирных бомб, — не какая-то идеалистическая выдумка Алексея Михайловича. В 1656 г., когда воевода П. М. Пушкин осаждал Корелу (Кексгольм), на выручку крепости отправилась собранная в Выборге Финляндская армия генерал-фельдмаршала Г. А. Левенгаупта. Сводная артиллерийская рота капитана Лоберга из этой армии получила в арсеналах Выборга и др. мест десятков или два орудий, в том числе 2 полукартауны (по 24 фунта) и 2 тяжелых мортиры — одну 80-фунтовую и одну 100-фунтовую. Эти пушки несколько дней подвергали обстрелу русские шанцы южнее Корелы. Хотя на второй день канонады обе полукартауны разорвало, стрельба была такая, что русским заонежским солдатам пришлось оставить одно южное укрепление, и блокада оказалась прорвана (30 августа — 6 сентября 1656 г.). По возвращении

из похода Левенгаупт затребовал из Стокгольма еще несколько «огненных мортир» калибром в 150 и 200 фунтов.

В 1658 г. в составе шведской Лифляндской армии генерал-фельдмаршала Роберта Дугласа был образован сводный полк полевой артиллерии из трех рот (131 чел., не считая ездовых и нестроевых). На его вооружение поступило от 20 до 26 орудий, половина из которых были полковые трехфунтовки, а другая половина — полукартауны, четвертькартауны и шестифунтовки. Кроме того, в парке полевой артиллерии также имелось несколько мортир¹²⁹. С этой артиллерией Дуглас в течение лета 1658 г. очистил от литовцев десятки занятых ими ливонских замков, а в октябре захватил Курляндию.

В том же самом 1658 г. вместе с датским посланником прибыл в Россию подполковник Николай Бауман (Миколай Бовман русских документов). Он привез с собой целый штат специалистов и предложил свои услуги по созданию артиллерийского подразделения нового типа с разными видами орудий. Это подразделение было создано к 1659 г., вначале оно насчитывало два солдатских полка, но со временем разрослось до пяти, включая рейтарский и драгунский. Как и в полку Грановского, «капитаны огнестрельного дела» занимали строевые должности, обслуживая при этом многочисленную полковую артиллерию, в том числе мортиры (как в случае с полком Фанзалена). Подобный же полк был создан к 1661 г. и в Севской армии под началом известного нам полковника Ягана Страсбурга.

Главным отличием этих артиллерийских полков нового типа от регимента А. Грановского стал их самостоятельный характер, без привязки к структурам Большого Наряда. При этом полк Бовмана ведался параллельно Пушкарским приказом и приказом Тайных дел, где под личным контролем Царя ведалось развитие гранатного дела. Таким образом, можно уверенно утверждать, что с упразднением пресловутого полка «у огнестрельного вымысла» сама идея подобного подразделения не была забыта, а лишь перешла на новый качественный уровень и была приведена в соответствие с новой тактикой осадной артиллерии.

Вместе с тем сбрасывать со счетов субъективные моменты в развитии русского артиллерийского корпуса не следует. Дело в том, что в условиях активного освоения «*премудростей*» западноевропейского

военного дела русские власти всесторонне поощряли личную инициативу иноземцев в тактических, технических или административных инновациях. Соответственно, каждый новый офицер-специалист ценился не как послушный исполнитель уже известных инструкций: напротив, от него добывались чего-нибудь необычного, неизвестного местным авторитетам военного дела, и редкого даже «за морем». Это прекрасно видно по сочинениям инженеров Д. Николя и Б. Делакости, майора, а затем полковника И. Фанбуковена¹³⁰, по характеру деятельности А. Грановского, а позже М. Бовмана. Вообще настоящее изучение русского военного дела 1630–1670-х гг. невозможно без учёта этого субъективного фактора; значительная часть реформ в военном деле и рождалась как результат активного взаимодействия иноземного специалиста и русской приказной администрации.

В случае с осадным корпусом интересно отметить и частный вопрос: контроль за иноземными «вымышленниками». В свете таких известных событий, как измены наёмников под Клушино в 1610 г. и под Смоленском в 1633–1634 гг., это был естественный шаг, который вместе с тем требовал большой деликатности. В 1654 г. чиновники провернули настоящую операцию «под прикрытием», когда квартирмейстером обоза «начальных людей опроче полку» А. Грановского был назначен младший офицер «из русских людей» — на самом же деле сын дьяка «у государевых тайных дел» Томилы Перфильева. А в 1656 г. ответственное задание контроля над орудиями было возложено на специально назначенного из стряпчих второго майора полка Томаса Бели Михаила Колупаева. Как оказалось, подобный контроль был совершенно не лишним: лифляндцу Модеусу всё-таки удалось бежать из действующей армии к противнику, немедленно заслужив щедрые награды от шведского короля.

И в заключение скажем несколько слов о начале систематического обучения «гранатному делу» учеников из русских людей, в первую очередь — московских стрельцов. Их число возросло с двух человек примерно в 1657 г. до четырех к 1662 г., причём только «на Москве», при майоре гранатного дела¹³¹.

Необходимо заметить, что появление первых русских специалистов особого артиллерийского профиля совпадает по времени с началом обучения русских же людей лекарскому искусству, также для нужд

армии. С 1654 по 1660 гг. лекарскому делу при Аптекарском приказе обучались 38 человек, набранных большей частью из московских стрельцов и *«стрелецких детей»* — подобно *«подкопщикам»* и *«гранатного дела ученикам»*. В 1660 г. лекари первого набора были выпущены: 13 человек в стрелецкие приказы, а 17 человек — *«в разные полки вместо лекарей для лечьбы ратных людей»*. Но на этом дело не кончилось, новые ученики, также из московских стрельцов, продолжали набираться и обучаться и дальше: в 1664 г. при Аптекарском приказе таковых насчитывалось 20 чел., а в 1682 г. — 44 чел.¹³²

Иноземные гранатного дела мастера тоже побуждали своих русских подопечных изучать химические *«составы»*, только не лечебного, а пиротехнического свойства. Но оценка реальных масштабов этого специального образования во второй половине XVII в. требует дальнейших исследований¹³³.

Важно то, что массовая подготовка русских строевых офицеров (с 1649 г.), набор лекарских учеников (1654 г.), появление учеников *«гранатного дела»* (к 1657 г.) и учреждение выборных полков солдатского строя с чисто русским начальным составом (1656–1657 гг.) — всё это явления одного порядка, призванные добиться независимости русского военного дела от случайностей, связанных с наймом иноземцев, и ставящие перед русским командованием цель научиться готовить собственных профессионалов по новым базовым военно-прикладным специальностям.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Челобитная и «сказка» инженеров Давида Николя и Бертрана Делакости с описанием их военно-практических умений

«Капитан смышленик» Давыд Николь выехал вместе с «коморником» шведского короля Густава II Адольфа Яганом Дувелом во Псков 14 октября 1632 г. и прибыл в Москву 31 числа того же месяца. По его словам, он «...приехал Государю служить на время». В Посольском приказе нашли замечательные прецеденты, по которым справились с положенным в таких случаях жалованием: «А выписано ему на пример. В прошлом во 139-м году приехали Государю служить на время Цесарские земли городовые смышленики Хриштоп Далгамер да Ян Корнилов. Да во 140-м году приехал городской смышленик же свеянин Юст Малсон». В итоге Николю было назначено следующее жалование: корма на каждый день — по 2 гривны (20 копеек), по 4 чарки вина, по 4 кружки меду, по 4 кружки пива; «За приезд ему: камка куфтерь, сукно лундыш, дороги, денег 30 рублей, да корму — на месяц по 50 рублей, то ему и за питье».

13 ноября 1632 г. Давыд Николь, протеже «старшего полковника» русских полков солдатского строя Александра Лесли, подал главе Иноземского приказа боярину кн. И. Б. Черкасскому «письмо» с изложением своих умений. Копия перевода этого письма — «с переводного письма службы его и ремесью чему он умеет список» — была немедленно отправлена к боярину М. Б. Шеину в Смоленский поход. Одновременно и сам Николь, получивший звание полковника «за полками», выехал в действующую армию¹³⁴.

Бертран Делакости выехал на царскую службу в октябре 1651 г. и уже в мае 1652 г. был отправлен под Тулу, «в *Городище*», для опытов с новыми гранатами¹³⁵. Поначалу ему установили жалование в 10 рублей на месяц, плюс «*корм*» на три лошади. В феврале-марте 1654 г. Бертран Делакости указан во главе заповольных начальных людей полка А. Грановского со званием «*вымысленик горододелному и инженерному делу*» и прежним жалованием. Однако в начале мая 1654 г. последовало распоряжение «...*Онтому Грановскому ни в чем ево не ведать*», и француз перешёл в подчинение окольного Б.М. Хитрово — по сути, главного квартирмейстера царской армии на Смоленском направлении. В связи с этим Делакости составил челобитную о повышении жалования, подкрепив ее подробным описанием своего «*чина и службы*», как они рассматривались в то время в европейских армиях.

**1632, ноября 13. — Перевод письма
иноземного инженера царской службы Давыда Николая
с описанием «чина и промысла начального инженера»**

Перевод с письма, что подал боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому инженер Давыд Николь в нынешнем во 141-м году ноября в 13 день.

Чин и промысл начальново¹³⁶ инженера таков, столько для городцких приступов и для городовых оборон, потому что вся городцкая сила и промысл лежит на инженеровой знати и на ево розсуде, столько для укрепления, для земляные меры, сколько земли доведетца быть под всякими городовыми жильцами на строенья, а всякому против своево чина и так жо вымерить весь город внутри и за городом, чтоб недругом около города пристани меньши было, стерегаючи ото всех мест загородных и уездных, которые могут городу помешку учинить. А для тово дело надобет ему уметь чертить и знаменоват всякие городовые дела, столько для укрепления каменные стены, и земляные, или дерновые, // или деревянные. Надобет, чтоб он также умел всякие стены и мосты и двory основати.

Надобет же ему узнати всякие прибыльные места, что города и уезды имеют, над иных городов и уездов, столько для задоров, что для обороны, и столько для осажальщиков, что осажаны, чтоб ему,

Государю своему, ведомо учинить о том, что он узнает и дометит в те города, к которым надобет приступать, или которых надобет оборонить. И смотря по земле, на котором месте те города зделаны, чтоб узнать, мочно ли подкопы под ними вестъ или нет, и в котором месте починают подкопы копать, и куды подкоп вестъ, и против которого места стены или осыпных загородных валов надобет пролом зделать. И в котором месте надобет начинать покрыты переходы ставить, чтоб пройтить и войти в ров, где починают подкоп копати, чтоб то росказать подкопщиком, чтоб они делали против ево приказы, как он узнает, где податнее копать. //

Да надобет, чтоб инженер знал, в котором месте надобет ближние шанцы почать и пушешных боев, и караулов, и конных и пеших людей становить. И умел быть ближние шансы хорошо повестъ, и караулов и боев пушешных, чтоб не было от осадных из города никакой помешки ни изрону, будет возможно, от пушешных и самопальных боев городовых.

И умел бы хоро//шо становить первых городовых заповров или дальних осадов около города, сметя число войска осажальников, и смотря по силе и скудости городовых мест, которые хотят осадить.

И знал же бы городские места, как города поставлены.

Надобно же ему ведать, колько пушек надобет в войске, сметя против людей того войска.

И ведал же бы он, как пушки хорошо проверчаны и как станки пушечных, хороши ж зделаны или нет, и знался б во всяком пушечном наряде. //

И умел же бы заставить порох и селитр делать, чтоб он узнал, которой порох добр к пушкам да к подкопом.

И указал бы места, где ведетца мосты делать, на проездах, на реках, которые около войска, которые осажают, сметя то, что надобет всегда десеть человек осажальщиков против одново осаженово.

А для осажанья городов, как Государь ево посылает в города, для обороненья надобет, чтоб он знал, как в городех шанцы делать против тово, как выше сего сказано, от пушечных недруговых боев, и сколько человек надобет землю носить, смотря по пушкам, из которых стреляют против проломов, и против величины проломленова места, которой они могут делать.

И умел бы нутряные места все, которые податны, в прибыль себе поставить, для обороненья того города, и для податности осаженных, и сколько надобет людей на оброну, и колько запасов надо//бные, смета против силы того войска, которое приступает. Надобет же, чтоб он умел заставить габионы делать (то есть, плести круглые туры¹³⁷, засыпаны землею, против пушешных боев)¹³⁸ да крошны, насыпаны землею, что ставят на загородных осыпных валах, чтоб защитить от мушкетных боев, да пряслы, да движные щиты и иные всякие полевые городьбы.

И знал бы воротные силы столько, что для пинартного противленья, что для пинартново ж пролому и для тово ж дела надобет, чтоб он умел пинарты зарядить, смотря по силе тово места, х которому хотят пинарт приложить.

И чтоб он умел заставить делать ряжаны огни, надобные столько для ночного засвеченья, чтоб чем недругу досадить, смотря по осаде или как учнут осаждать.

А чтоб ему ведомо было, как надобно то делать, что выше сего сказано, надобно, чтоб он умел геометрии да земляное вымеренье, да аристетика, и доле городского и полатного дела, да перспектива, да знаменованье.

Да знал // же бы кастрамантацион, чтоб розделить места полком для становленья войска в недруговой земле.

И знал и делал бы карта — землямерное королевственных и уездных.

Да х тем всем причинам Бог дал мне, что умею заставить делать две снасти, которые не объявлены ни в котором месте еще при моей памяти.

Первое снастье: я могу с осьми человеки поднять и взвезть земли на осыпном валу столько, что против пятидесяти человек, в столько ж время.

А другое: чем вывезть воды вся из глубоково места с осьми же человеки против пятидесяти же.

И умею же делать ветреные мельницы, чем вывезть воды из какого-нибудь места, как ветер дойдет.

И возможно те снасти собрать и показать, и добре они годны, столько для городовых укреплений, что для иных всяких дел, как хотят глубину или вышину х которому-нибудь место прибавить.

И умею же сделать то, что недруговых пушки // все розорвутца, хотя они сами зарядят, как я до них дойду.

И всех тех дел, что выше сего сказаны, Бог изволил объявить их мне, что я умею их делать, и заставить их делать. И то я сую доброю волею своею и по правде души моей я то дело исполню для Вашего Царского Величества и всее Вашей Царственной службы, будучи у Вашего Царского Величества прислан от господина посла не для какие меры, кроме того, что мне служить во всем, в чем Ваше Царское Величество изволит мне приказать. Молюсь Богу безпрестанно, чтоб Господь Вашему Царскому Величеству подаровал долгое и счастливое житье, для службы и славы его и прибавленья царствия его. Того для я вам, Великим Государем, бью челом покорно, чтоб учинили меня начальным инженером, и пожаловати мне такое ж жалованье, как дает Свейское королевское величество да Статы Недерляндцкие и Галанцкие, начальным инженером.

РГАДА. Ф. 141. Описание 1. 1632 год. № 85. Л. 9–16.

**1654 г., [ок. 3 мая] — Челобитная капитана Бертрана Делакости
о прибавке жалования**

Царю, Государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьет челом холоп твой иноземец Француской земли пушечного наряду уставщик и капитан Бертранко Делакост. В прошлом, Государь, в 158-м году выехал я, холоп твой, к тебе, праведному Государю, служить верою и правдою, слыша твою государскую неизреченную милость к нашей братье, иноземцом, с службишкою своею и вымыслом к ратному воинскому делу, оставя в своей земле род и племя и все свое имения. И по твоему государеву указу указано мне давать твое царское жалованья рядовая капитанская статья, только по десяти рублей на месяц.

И в прошлом, Государь, 159-м году по твоему государеву указу послан был я, холоп твой, в Городище на железную мельницу для гранатова дела, и те гранаты я, холоп твой, для отпыту зделаа; которыми гранаты я, холоп твой, при твоей царской светлости стрелял.

Да я ж, холоп твой, сверх гранатова дела и стрельбы знаю пинардное дело и всякие иные вымышленные ратные дела: огненные ядра на многие розные статьи делать и ими стрелять. И пушечная стрельба мне, холопу твоему, достаточна всезаобычей.

Да мне ж, холопу твоему, заобычей инженерское дела, где коли надобна всякими розными стотьями городки и шанцы ставить и окопывать, и подкопы против недругов весть; и всякие промыслы на недругов чинить. И знаю еометрейное дело и арифметике достаточно, и полкам большим и малым знаю на станы кварталеры делать, чтоб полкам шкоты от недругов неоткуды б не было.

Знаючи такое дело по еометренному ученью высоту и нижину земную, и когда доведетца с недругом битца, и мне, холопу твоему, заобычей у больших и у малых опалчаниях пушечной наряд ставить, чтоб недругом шкоту большую чинить, примересь к тамошному месту, и когда город осадить. И я, холоп твой, потому ж знаю, где пушечной наряд ставить и как розкаты делать, чтоб пушечною стрельбою даром бы не стрелять и осадным людем шкоту чинить. И иные многие вымыслы мне, холопу твоему, заобычей.

А чином и кормом я, холоп твой, до конца оскорблен, сверстан чином и кормом с редовыми салдацкими капитаны; а чин мой обдержит выше и маеорского и подполковнического чину, потому что маеоры и подполковники под началом бывають у полковника, а я, холоп твой, кроме генерала под началом никогда ни у ково не бывал.

А которые, Государь, иноземцы преж сего // были у тебя, Государя, здесь на Москве пинарщики Юрья Безсонов, да Яков Без, да Роткерт, а прозвище пропаметовал, да горододелец Яган Корнильев Роденборх, и они, пинарщики, толко знали пинарное дело, а Яган Корнильев толко знал одно городовое дело, а иных вымыслов, опроче того, ничево не знали, // а твоим царским жалованьем кормами большими были пожалованы.

Милосердый Государь, Царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего иноземца, для своего царского многолетнего здравия и для моего вымышленого ратного промыслу, чем умею тебе, Государю, служить, своим царским жалованьем месечным кормом прибавкою, как тебе, праведному Государю, о мне Бог известит, против моего чину и против тех, которые преж сего тебе, праведному Государю, в таких чинах служили, а столько всякому воинскому ратному делу и не знали и не домыслились, что я, холоп твой, знаю, вымыслом своим, рад и должен тебе, праведному Государю, верою и правдою служить против твоих Государевых недругов, где

ты, Государь, ни укажешь. И вели, Государь, мне быть сверх пушечного наряду всех полков первоначальным полковым квартирмейстром, когда доведетца многим полкам в большом ополченье быть, и указать, где которому полковому квартирмейстру на стан на полк свой мест занять и поставить, чтоб на станех от недругов шкоты неоткуды не было и ратному делу во всем бы было стройно: и тем и все квартирмейстры у меня, холопа твоего, выучатца квартиры достаточно делать, а такое мне дело заобычей.

И хочю тебе, праведному Государю, работать, не щедя головы своей, и будет ты, Государь, укажешь, и я, холоп твой, тому всему чертежи принесу, чтоб мне, холопу твоему, перед своею братьею иноземцы и товарищи, кто мне вровень, своим царским жалованьем месячным кормом и чином и честью оскорблену не быть и твоей бы царской службы впредь не отбыть. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй.

Пометы на обороте л. 770: Государь пожаловал, велел выписать и доложить себе, Государя.

162-го мая в 3 де выписать.

Решение по делу в виде скрепы на обороте лл. 772–778: «162-го мая в 18 день Государь пожаловал, / велел ему свое государево / жалованье / учинить / с прежним / кормом по осминатцати рублев на месяцу».

*РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9.
Столбцы Московского стола. № 867. Л. 770–772.*

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Документы о начальных людях полка Антония Грановского

Здесь публикуются четыре росписи начальных людей полка Антония Грановского, в которых отражены первые этапы создания этого подразделения. Первые две составлены около 16 февраля 1654 г. Вероятно, первая из них, предварительная, была составлена полковником в качестве проектного предложения. Обращает на себя внимание неаккуратность в транскрипции имён иноземцев: скорее всего, писарь Грановского записывал их на слух. Поэтому в итоговой росписи не только убраны несколько имён, но и немного подкорректированы остальные — ближе к написанию в документах Иноземского приказа (в «*кормовой книге*» приказа наводились справки о звании и размере жалования начальных людей и «*вымышленников*»). Интересно, что исправления в черновой росписи появились в разное время: если Я. Фанделвих уже в феврале переписался в полк Ариста Фамендина, то Бертран Делакости фигурирует в остальных трёх списках, и помета об исключении его из полка должна была появиться не раньше мая 1654 г.

Обе росписи около 22 марта 1654 г. в целом равнозначны, только в первой офицеры расписаны по ротам, а во второй приведены сплошным списком по чинам, по старшинству. Впрочем, есть несколько отличий: во второй добавлены полковой квартирмейстер П. Ерошевский и сержант Л. Шейдор, а прапорщик 1-й роты С. Тибик назван сержантом. Скорее всего, эти изменения отражают стремительный процесс комплектования полка, поскольку в столбце обнаружены упоминания еще пяти начальных людей (от поручика до сержанта), которые не значатся в списках февраля и марта.

Дублирование перечней 16 февраля и 22 марта помогает восполнить утраты текста (из-за ветхости). В качестве приложения к публикации приводятся биографические данные всех начальных людей полка Грановского, упомянутых в данных росписях и других документах.

1654 г., до февраля 16 — Предварительная роспись «некрещеным и крещеным иноземцам», которым «быть с Антоном Грановским у огнестрельново вымыслу» и в сотниках «у пиунер»

Роспись начальным людям, которым быть с Антоном Грановским у огнестрельново вымыслу.

Бертран Делакоств — вымышленник горододельному и огнестрельн[ому] делу.

Государь указал быть ему [...]тно, а Онтону Грановскому ни в чем ево не ведать¹³⁹.

Ринголт Модеус — огнестрельной вымышленник

Виган Кроер, маер — пинардное дело гараздо знает

Яган Фалделвих¹⁴⁰ — написан к О[ри]ст[у Фамендину]¹⁴¹

Лука Манурин, капитан — чертежное дело гараздо знает

Корнилис Буков — огнестрельново дела капитан

Ганс Ванрозньбак — огнестрельново ж дела капитан

Ан Ванротенбург¹⁴²

Вилен Кирков — огнестрельново ж дела капитан

Подгипт Шилер — огнестрельново же дела капитан

[...] ¹⁴³ детьми — у гранатов

[...] ¹⁴⁴ нестрельново же дела капитан

[Авг]уст Милет — огнестрельново же дела капитан

Шар Милет — огнестрельново ж дела капитан

Подвин — подк [оп]щик

[...] ¹⁴⁵ — пинардщик

[А к тысяче пи]унер надобет десеть человек сотников

[...сот]никах быть, и тем имена зде ниже н[...]

[Мер]кулей Казимеров

Меркулей Танкачевской

[Спиридон Дигил]бов

Максим Стуртов

Помета на обороте л. 370 об.: 162-го февраля в 16 день по государеву указу быть тем иноземцом некрещеным и крещеным у Антона Грановского. Приказал боярин Илья Данилович Милославский против росписи.

*РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9.
Столбцы Московского стола. № 867. Л. 370.*

[1654 г., февраля 16] — Роспись начальным людям и сотникам «с Антоном Грановским» с данными из Иноземского приказа об их корме и присылке

Имена начальным людям, которым по государеву указу против сей росписи велено быть с Антоном Грановским у огнестрельного вымыслу.

Бертрам Делакости — вымысленик горододельному и инженерному делу.

Корму ему дают по 10 рублей на месяц, а в Ыноземском приказе написан он в капитанех.

Реинголт Модеус — огнестрельной вымысленик.

Корму ему давать не указано.

Маеор Виган Крюгер — пинардное дело знает достаточно.

Корму ему давать не указано.

[А]ука Манорий, капитан — чер[те]жное дело достаточн[о зн]ает.

Корму ему дают по 10 рубл[ев н]а месяц, а в Ыноземском приказе написан он в капитанех же.

Корнилей Класен Фанбуковен — огнес[т]рельного дела капитан.

Корму ему дают по 10 рублей на месяц, а в Ыноземском приказе написан в ротмистрах.

Яган Фанрозенбах — огнестрельного дела капитан.

Корму ему давать не указано.

Вилим Фанкеркговен — огнестрельного дела капитан.

Корму ему дают по 7 рублей на месяц, а в Ыноземском приказе написан он в капитанех же.

Готлип Шулер — огнестрельного дела капитан.

Корму ему давать не указано. //

Юст Фанкеркговен — гранатнаго дела мастер.

Корму ему дают по 10 рублей на месяц, а в Ыноземском приказе написан он в капитанех.

Петр Фанкеркговен — гранатного дела мастер.

Корму ему дают по 7 рублей¹⁴⁶, а в Ыноземском приказе написан он в порутчиках.

Ондрейан Фанкеркговен — гранатного дела мастер.

Корму ему дают по¹⁴⁷ 5 рублей на месяц марта со 2-го числа.

Онтон Янфавин, Джон он же — [ог]нестрельного дела капи[тан].

Корму ему дают по 6 рублей [на] месяц, а в Ыноземском приказе на[пис]ан он в порутчиках.

Нилис Балт — огнестрельного дела капитан.

Корму ему давать не указано¹⁴⁸.//

Август Мелет — огнестрельного дела капитан.

Корму ему дают по 5 рублей на месяц, написан в прапорщиках.

Шарль Мелет — огнестрельного дела капитан.

Корму ему дают по 5 же рублей на месяц, написан в прапорщиках.

Подкопщик Болдвин Форин.

Корму ему дают по 4 рубля на месяц.

Пинарщики: Еремей Ницки — корму ему дают по полу-2 рубли на месяц, написан в подпрапорщиках.

Яков Без поместной. //

А к тысяче пиунер надобно 10 человек сотников, и в тех сотниках быть из русских людей. А в Ыно//земском приказе они не ведомы.

Меркулей Казимеров

Меркулей Талкачевской

Спиридон Дигилбов

Максим Стуртов

Огненострельнаго дела

[ин]оземец Кузма Иванов сын // [Исуп]ов

[...]ца по памяти из Стрелетцкого [при]казу присланы в Ыно[зе]мской приказ стрельцы, а велено им быть у Антона ж Грановского в подкопщиках:

Микифорко Иванов сын Гребнев

Отставной стрелец Федка Иванов

Рядовой Онисимко Яковлев

Васильев крестьянин Зубова — по 6 денег на день — Дружинка Васильев. Корм дан ему по апрель месяц.

РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп .9.

Столбцы Московского стола. № 867. Л. 374, 376, 378–381.

1654 г., до 22 марта — Роспись начальным людям полка Антония Грановского по ротам «над казаками» и «опроче полку у вымыслов»

[... веле]о им быть над казаками в полку у Антона Гроновс[кого] у огнестрельного и вы]мышленново и подкопново и городовово дела.

[В пер]вой роте

[капитан и порутчик] Ян Родонбурк
[прапорщик Меркурей]Тонкачевс[кой]
[сержант Люб] им Епанчин
[сержант Сав]а Матюхин
[пра]порщик Семен Тибик.

[Во вто]рой роте

[полуполко]вник Вигант Кроер
[пор]утч[ик Т]ихон Елчанинов
[пр]апорщик Арвей Нармон
[сер]жант Ларион Епанчин
[сер]жант Петр [Петровской].

В третьей роте

маер Корнилис Ванбуковин
порутчик Устин Мещеренин
прапорщик Спиридон Дигильбов
сержант Иван Плутнев
сержант Яков Зубовской.

В четвертой роте

капитан Николаес Балк
порутчик Меркулей Казимеров
прапорщик Гералт Ян Ванберг
сержант Христьян Ванбергидел.

В пятой роте

капитан Антоней Ян Фовин
порутчик Шар Милет
прапорщик Матис Флери.

В шестой роте

капитан Август Милет
порутчик Еремей Нетчин
прапорщик Томас Кап.

В семей роте

капитан Курд Янс
поручик Александр Копев
прапорщик Максим Стуртов.

В восьмой роте

капитан Ян Страсбург
поручик Семен Азизайской
[п]рапорщик Ермолай Мещеренин.

В девятой роте

[к]апитан Петр Дан
[пор]уччик Семен Хворой
[пр]апорщик Павел Данилов.

В десятой роте

[ка]питан Христьян Клик
[п]оруччик Иван Сколков
[пра]порщик Офонасей Погонин.

[В сержа]нты и в капралы выберу ис тех казаков ис пятидесятников
[и дес]ятников

[Нача]льным же людем, тем, коим быть с Антоном Гроновским
у огнестрельново [дела] опроче полку у вымыслов.

[Бе]ртран Делакоств — горододельной и огнестрельной вымышленик
[...]льд М[одеус] — огнестрельной мудрости вымышленик ...

[Яков Без п]инарщик

[... началь]ной квартирместр и чертежник

[...пу]шкам уставщик в бою

[Бодви]н [пинардщик]

[Из Стрелец]ково приказу присланы три человека подкопщиков:

[Ми]кифор Гренев

Федор Иванов Смольянин

[Ани]сим Яковлев

обозной квартирместр Алексей Томилов сын Перфильев¹⁴⁹

*Помета на обороте л. 363: 164-го марта в 22 день по государеву
указу приказал боярин Илья Данилович Милославской¹⁵⁰ быть по сей
росписи в тех чинах.*

*РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп .9.
Столбцы Московского стола. № 867. Л. 363–365.*

[1654 г., марта 22] — Роспись начальным людям полка Антония Грановского по чинам «над казаками» и «опроче полку», со скрепой полковника Грановского.

Л. 366. Роспись начальным людям, коим быть над казаками в полку Антона Алексеевича Грановского у огнестрельного и вымышленного и подкопного и горододельного дела.

Полуполковник — Вигант Кроер

Маер — Корнилис Ванбуковн

Капитаны: Николаес Балк

Онтоней Ян Фовин

Август Милет

Курд Янс

Ян Страсбург

Петр Дам

Кристьян Клик

Порутчики: [кап]итан порутчик Ян Родонбург

[А]лександр Копев

Тихан Елчанинов

[Шар] Милет

[Ереме]й Нетчин //

[Устин] Мещеренин

[Семен] Жиганский

[Семен X]ворой

Меркурей Казимеров

Иван Скалков //

Квартермистр Потап Ерошевский полковой

Прапорщики: Меркурей Тонкачевской

Арвон Нармон

Спиридон Дигилбов

Ермолай Мещеренин

Матис Флери

Афонасей Погонин

Гералт Янванберг

Максим Стуртов

Павел Данилов

Томас Кап

Сержанты: Любим Епанчин

Петр Петровской

Ларион Епанчин

Кристьян Вандергиден

Лидор Шейдор

Семен Тибик

Яков Zubовской

Иван Плутнев

Сава Манюхин

А [и]ные сержанты и подзнаменщики [и] каптенармасы и капралы выбра-
ны ис казаков: атаманов, пятидесятников и десятников и из р[яд]овых //

[...] Начальным же людем, тем, коим быть с Онтоном Гроновским
у огнестрельного дела опроче пол[ку у] обозного вымыслу.

[Бертран] Делакоств горододельной и [... в]ымышленик

[Реингольд] Модеус — огнестрельной мудрости вымышленик

Яков Без — пинардщик

Лука Манурин — начальной квартирмейстр и чертежник

Олексей Перфирьев — обозной квартирместр

Вилем Кирков — к пушкам уставщик к бою

Горододельцы:

Бодвин — пинардщик

Дружинко Васильев¹⁵¹

Микифор Гренев

Федор Иванов Смольянин

Анисим Яковлев.

Скрепна на оборотах лл. 367–369: Ан // тон // Гроносской руку
приложил.

*РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп .9.
Столбцы Московского стола. № 867. Л. 366–369.*

Служебный путь начальных людей полка Антония Грановского

Алфавитный указатель-справочник

В алфавитном указателе отсылки на приведённые выше списки обозначены так:

- № 1 — «16.02.1654 (черновой список)»
- № 2 — «16.02.1654 (итоговый список)»
- № 3 — «22.03.1654 (поротный список)»
- № 4 — «22.03.1654 (чиновный список)»

Анцов Корт — см. Янс, Курд

Армон Ян фон — см. Нармон, Арвон (Арвей)

Асагаев, Азизайский, Семен — см. Жиганский Семен.

Балк, Николаес (Балт, Нилис)

- 16.02.1654 (итоговый список) — *«огнестрельного дела капитан, корму ему давать не указано»*, в списке зачеркнут;
- 22.03.1654. — капитан 4-й роты;
- 20.10. 1655 г. — огнестрельного дела капитан, с жалованием 11 руб. в месяц¹⁵²
- 08.09.1657. — майор *«гранатного дела начальных людей»*¹⁵³

Балт, Нилис — см. Балк, Николаес

Без, Яков

- Француз, начал службу в армии королевича Владислава в качестве петардщика. Вместе с петардщиком Юрьи Безсоном перебежал из польской армии в Москву накануне штурма 30 сентября 1618 г. и поступил на царскую службу¹⁵⁴
- В окладных книгах 1650–51 и 1652–53 гг. — в роте немцев старого выезда Ефима Франзбекова, *«помесного и денежного окладу неведомо, в московской пожар во 134-м году згорел, нижегороцкой помещик пинардной мастер Яков Без»*¹⁵⁵;
- 16.02.1654 (итоговый список) — *«Пинарщики: ...Яков Без поместной»*;

22.03.1654 — начальный человек «за полком» — «Яков Без — пинардищик».

Бок, Ермолай

24.05.1654 — иноземец, прапорщик¹⁵⁶.

Буденгагин, Прокофей Федоров

Возможно, к его крещению относится запись в «кормовой книге» Иноземского приказа (16.11.1652) — из полка А. Краферта, солдатского и драгунского строя, «*новокрещеному п. Миките Филцелт Бутену Гогену за крещение жалование по 2 алтына в день*»¹⁵⁷;

27.05. 1654 — «*новокрещен, землянова городовово дела мастер*»¹⁵⁸;

Буков, Корнилис — см. Фанбуковен, Корнилиус Классен

Ванберг (Янванберг), Гералт Яган — см. Фанберх Герард Яган (как писалось в 1655–57 гг.)

Ванбергидел (Вандергиден), Кристьян (Христьян)

22.03.1654. — сержант 4-й роты

Ванбуковин, Корнилис — см. Фанбуковен, Корнилиус Классен

Ванротенбург — см. Ян Родонбург

Васильев, Дружина

16.02.1654 (итоговый список) — «*уроженец смолянин*», крестьянин Василия Иванова сына Зубова, сотник у пиунер, корму даётся по 6 денег на день;

22.03.1654. (чиновный список) — за полком, «*горододелец*»¹⁵⁹;

Грнев (Гребнев, Гребенщиков), Микифор Иванов

17.04.1634 — «*тулянин Микифорко Иванов сын Гребенщиков*», солдат полка Вилима Кита, указан в «*Записке ратным людям, которые больны оставались под Смоленском в остроге, а ныне*

- отпущены и пришли к Москве»¹⁶⁰;
- 16.02.1654 (итоговый список) — стрелец, прислан из Стрелецкого приказа в подкопщики, определен в сотники у пиунер;
- 22.03.1654 (поротный список) — «*опроче полку у вымыслов*», подкопщик, присланный из Стр. приказа;
- 22.03.1654 (чиновный список) — за полком горододелец;
- 03.07.1655 — получил жалование на июль 1655 г. как «*подкопного дела подмастерье Микифор Гребеничиков*» (расписался как Микифор Гребнев), по 10 денег на день¹⁶¹.
- 08.09.1657 — «*гранатного дела ученик, что был у Ивана Ваславского*» (один из двух)¹⁶².

Дам (Дан, Доман), Петр

- 11.10.1650 прапорщик Петр Доман прислан из Посольского приказа в Иноземский в числе офицеров, выехавших из Датской земли, подполковника Ягана Гундермарка со товарищи (приехали в 7158 г.);
- 16.11.1650 установлено жалование прапорщику 3 руб. с полтиной в месяц, да на 2 лошади в зимнее время, и вместе с Я. Гундермарком отправлен в Доброе городище и Соколье учить поселённых драгун драгунскому строю¹⁶³;
- 22.03.1654 (поротный список) — капитан 9-й роты;
- ноябрь 1655 г. — майор полка солдатского строя Христофора Юнкмана (корм 14 руб. в месяц)¹⁶⁴;
- к сентябрю 1656 г. — майор полка солдатского строя Федора Вомзера (бывшего Джона Лесли), в Белгороде (корм 14 руб. в месяц)¹⁶⁵;

Данилов, Павел

- 22.03.1654. (поротный список) — прапорщик 9-й роты¹⁶⁶

Делакости (Делакоств), Бертран (Бернат)

- 11 октября 1650 г. прислан из Посольского приказа в Иноземский в числе 10 офицеров, которые «*выехали в 159 году служить из Литвы*» — в т.ч. полковник Яган Бутлер, «*Французские земли конского строя Лоренц Мартот с человеком да капитан Бертран Делакости*»;

- 1 декабря 1650 г. им установлен месячный корм, в т.ч. капитану Ягану Делакости (перепутали со следующим Яганом Дунаем) — 7 руб. с полтиной в месяц;
- 12 декабря 1650 г. размеры корма увеличены, в т.ч. капитану Бертрану Делакости до 10 руб. в месяц¹⁶⁷;
- В окладной книге 1652–53 гг.— «*капитан и гранатного дела мастер*», с кормом 10 руб. в месяц и на 3 лошади (по 20 алтын)¹⁶⁸;
- 16.02.1654 (черновой список) — «*вымышленник горододельному и огнестрельному делу*»;
- 16.02.1654 (итоговый список) — «*вымышленник горододельному и инженерному делу. Корму ему дают по 10 рублей на месяц, а в Ыноземском приказе написан он в капитанех*».
- 22.03.1654 — за полком горододельный и огнестрельный вымышленник.
- 26.07.1655 — в списке жалования на июль 1655 г. «*иноземцев пушешного наряду, и которые остались за полками*», первым идет «*пушешново Наряду подполковник Бертрам Делакости*», с кормом по 25 руб. в месяц¹⁶⁹.
- 1656 г.— упоминается в книге Пушкарского приказа как главный изготовитель «*гранатных составов*» перед Государевым походом на Ригу¹⁷⁰ («*Петр Делекост*»).

Дигильбов, Спиридон¹⁷¹

- 16.02.1654 (черновой и итоговый списки) — кому надлежит быть в сотниках у пиунер;
- 22.03.1654 — прапорщик 3-й роты;
- октябрь 1655 г. — поручик иноземец драгунского полка Клавдиуса Деспевия, с жалованием 8 руб. 10 коп. в месяц¹⁷²;
- конец 1655 г. — поручик иноземец драгунского полка Деспевия-Юнкмана, с жалованием 8 руб. 9 коп. в месяц, корм на 2 лошади¹⁷³.

Доман Петр — см. **Дам, Петр**

Елчанинов, Тихон

- 22.03.1654 — поручик 2-й роты.

Епанчин, Ларион

22.03.1654 — сержант 2-й роты.

Епанчин, Любим

22.03.1654 — сержант 1-й роты.

Ерошевский, Потап

22.03.1654 (чиновный список) — полковой квартирмейстер *«над казаками»* (т.е., в составе полка).

Жиганский (Азизайский), Семен

22.03.1654 — поручик 8-й роты;

26.07.55. — в списке жалования на июль 1655 г. *«иноземцев пушешного наряду, и которые остались за полками»* среди поручиков — Семен Асагаев, с кормом 8 руб. с гривною (10 коп.) в месяц¹⁷⁴.

Зубовской, Яков

22.03.1654 — сержант 3-й роты.

Иванов Семен — Семен Иванов сын Хворой

Иванов Федор — см. (Смольянин) Федор Иванов

Исупов, Кузьма Иванов сын

Прибыл в Москву в начале 1654 г. из пушкарей Соловецкого монастыря (согласно челобитным)¹⁷⁵;

16.02.1654 (итоговый список) — *«огнеострельнаго дела», иноземец, надлежит быть «в сотниках у пиунер»*;

23.02. и 07.03.1654 — по челобитным приказано быть у А. Грановского¹⁷⁶;

22.03.1654 — в списках не числится;

октябрь 1655 г. — профос полка Деспевия (с кормовым жалованием 6 денег в день), но не расписался в получении¹⁷⁷;

конец 1655 г. — профос полка Деспевия-Юнкмана, с жалованием 6 денег в день, помечен *«в нетах»*¹⁷⁸.

Казимеров, Меркурей

- 16.02.1654 (черновой и итоговый списки) — кому надлежит быть в сотниках у пиунер;
22.03.1654. — поручик 4-й роты
октябрь 1655 г. — поручик из русских людей полка драгунского строя Клавдиуса Деспевияля, с жалованием 5 руб. в месяц¹⁷⁹;
конец 1655 г. — поручик из русских людей полка Деспевияля-Юнкмана, с жалованием 5 руб. в месяц¹⁸⁰.

Кап, Томас

- 22.03.1654. — прапорщик 6-й роты.

Клик, Кристьян (Христьян)

- 22.03.1654. — капитан 10-й роты;
ноябрь 1655 г. — капитан иноземец солдатского полка Кашпира Яндера, с жалованием 11 руб. в месяц¹⁸¹;
к сентябрю 1656 г. — там же¹⁸².

Копев, Александр

- сентябрь 1649 г. — обозник Александр Коп в полку рейтарского строя Исака Фанбуковена¹⁸³
22.03.1654 — поручик 7-й роты;
ноябрь 1655 г. — капитан из иноземцев солдатского полка Кашпира Яндера, с жалованием 11 руб. в месяц¹⁸⁴;
к сентябрю 1656 г. — «В 164 году на государеве службе не был и в полку не объявлялся» — заменен¹⁸⁵.

Крюгер (Кроер), Вигант

- 16.02.1654 — майор; согласно черновому списку: «*пинардное дело гаразда знает*»;
16.02.1654 (итоговый список): «*пинардное дело знает достаточно. Корму ему давать не указано*»;
22.03.1654 — полуполковник полка А. А. Грановского;
ноябрь 1655 г. — подполковник солдатского полка Кашпира Яндера, с кормом 15 руб. в месяц¹⁸⁶;
к сентябрю 1656 г. — там же, во Шклове, с кормом 15 руб. в месяц¹⁸⁷;

10.02.1664 — полковник рейтарского строя («*Вигант Крыгел*»), направлен во Псков и командовал там рейтарским полком Новгородского разряда до 1667 г.¹⁸⁸

Кузьминский, Софроний

С 1650 г. служил в рейтарском строе, в дворянском училище Исаака Фанбуковена, в выборной роте;

7.05.1654. — зачислен в поручики полка¹⁸⁹.

Левшин, Михаил

Сын боярский хотмышанин, бывал в драгунской службе в полку кн.

Д. М. Пожарского в Переяславле-Рязанском и на Туле;

С 14.04.1654. — полковой подьячий¹⁹⁰.

Манурин (Манорий), Лука (Лют)

В чине капитана выехал из Голландии в 1652 г. (с капитаном Голландской земли Индриком Гулицем и другими), прислан в Иноземский приказ 7 сентября 1652 г., установлен капитанский корм 10 руб. в месяц¹⁹¹;

16.02.1654 (черновой список) — капитан, «*чертежное дело гараздо знает*»;

16. 02. 1654 (итоговый список) — капитан, «*чертежное дело достаточно знает. Корму ему дают по 10 рублей на месяц, а в Иноземском приказе написан он в капитанех же*»;

22.03.1654 — «*опроче полку у вымыслов*», начальный квартирмейстер и чертежник.

Манюхин (Матюхин), Савва

22.03.1654 — сержант 1-й роты.

Мещеренин, Ермолай

22.03.1654. — прапорщик 8-й роты.

Мещеренин (Мещеринов), Устин Сергеев сын

22.03.1654. — поручик 3-й роты;

20.06–2.07.1654. — догонял полк с шанцевым инструментом из Москвы¹⁹²;

- 16.08.1654 — поручик, ранен на приступе к Смоленску (по правой ноге навывлет), 29 августа получил 4 руб. «на лечьбу», а за него расписался «Семен Иванов» («Хворой» -?)¹⁹³;
- 25.07.1655 — капитан солдатского полка Володимера Ваета, с кормом по 7 руб. в месяц (получил жалование за май-июль)¹⁹⁴;
- ноябрь 1655 г. — капитан солдатского полка Владимира Вайта, с кормом 7 руб. в месяц¹⁹⁵;
- к сентябрю 1656 г. — капитан, беспоместный, солдатского полка Елисея Цыклера, с кормом 7 руб. в месяц¹⁹⁶.

Милет (Мелет), Август

- Прапорщик Французской земли, выехал во Псков и прибыл 7 июля 1653 г. (по призыванию капитана Индрика Гулица), получил с прочими «по камке по доброй»¹⁹⁷;
- 16.02.1654 (черновой список) — «огнестрельного дела капитан»;
- 16.02.1654 (итоговый список) — «огнестрельного дела капитан. Корму ему дают по 5 рублей на месяц, написан в прапорщиках»;
- 22.03.1654 — капитан 6-й роты;
- в начале сентября 161654 г. (до 12 числа) — «Грановского полку капитан немчин Афуст Иванов да поручик туленин Семен Иванов, а с ними были драгуны, а шли Любавицкою ж волостью, и пошли Дубровинскими волостями» — под Дубровну¹⁹⁸;
- 26.07.1655 — в списке жалования на июль 1655 г. «иноземцев пушешного наряду, и которые остались за полками» среди капитанов — Август Мелет, с кормом 7 руб. в месяц¹⁹⁹.

Милет (Мелет), Шар (Шарль)

- Прапорщик Французской земли, выехал во Псков и прибыл 7 июля 1653 г. (по призыванию капитана Индрика Гулица), получил с прочими «по камке по доброй»²⁰⁰;
16. 02. 1654 (черновой список) — «огнестрельного дела капитан»;
16. 02. 1654 (итоговый список) — «огнестрельного дела капитан. Корму ему дают по 5 рублей на месяц, написан в прапорщиках»;
- 22.03. 1654 — поручик 5-й роты.

Модеус, Рейнголт

Лифляндец, служил в шведской армии с 13 лет, к 1647 г. лейтенант артиллерии.

В 1653 г. перешёл на царскую службу в качестве капитана огнестрельного дела²⁰¹;

16.02.1654 (черновой список) — *«огнестрельной вымысленик»*;

16.02.1654 (итоговый список) — *«огнестрельной вымысленик. Корму ему давать не указано»*;

22.03.1654 — *«опроче полку», «огнестрельной мудрости вымысленик»*;

29.05.1654 — по челобитной о подводах называет себя *«нарядник огненные стрельбы»*²⁰²;

к весне 1656 г. — подполковник *«за полками»* (инженерно-артиллерийского дела). Сбежал в Польшу к шведскому королю, явился к нему 22.09.1656, принят на шведскую службу в качестве подполковника артиллерии и щедро награждён²⁰³.

Нармон, Арвон (Арвей) — Армон Ян фон (1655 г.)

22.03.1654 — прапорщик 2-й роты;

октябрь 1655 г. — поручик из иноземцев солдатского полка Александра Гибсона, с жалованием 8 руб. 10 коп.²⁰⁴

Нетчин (Ницки, Ницкий), Еремей

16.02.1654. (итоговый список) — пинардщик, *«корму ему дают по полу-2 рубли на месяц, написан в подпрапорщиках»*;

22.03.1654 — поручик 6-й роты;

26.07.1655 — в списке жалования на июль 1655 г. *«иноземцев пушешного наряду, и которые остались за полками»* среди поручиков — Еремей Ницки, с кормом 8 руб. с гривною (10 коп.) в месяц²⁰⁵;

15.10.1655 — поручик (иноземец) огнестрельного дела, с жалованием 8 руб. 10 коп. в месяц²⁰⁶.

08.09.1657 — капитан *«гранатного дела начальных людей»*²⁰⁷.

Перфильев, Алексей (Олексей) Томилов сын

22.03.1654 — *«опроче полку»*, обозный квартирмейстер.

Петровской, Петр

22.03.1654 — сержант 2-й роты.

Плутнев, Иван

22.03.1654 — сержант 3-й роты.

Погонин, Афонасей (Офонасей)

22.03.1654 — прапорщик 10-й роты.

Роденборх (Родонбурк, Ванротенбург), Ян (Иван)

16.02.1654 (черновой список) — Ан Ванротенбург — зачеркнут в списке;

22.03.1654 — капитан и поручик 1-й роты

октябрь 1655 г. — Иван Родонборх, капитан иноземец солдатского полка Авраама Лесли, с кормом 11 руб. в месяц²⁰⁸.

Родонбурк (Ванротенбург), Ян — см. Роденборх, Ян (Иван)

Розвозов, Ондрей

К 20.06.1654 — прапорщик, 20.06–2.07.1654 — догонял полк с шанцевым инструментом из Москвы²⁰⁹.

Скалков (Сколков), Иван

22.03.1654 — поручик 10-й роты;

в конце 1655 г. — поручик в драгунском полку Клавдиуса Деспевилля, в роте майора²¹⁰.

(Смольянин) Федор Иванов

16.02.1654 (итоговый список) — отставной стрелец, прислан из Стрелецкого приказа в подкопщики, определен в сотники у пиунер;

22.03.1654. (чиновный список) — *«опроче полку у вымыслов»*, подкопщик, присланный из Стр. приказа;

22.03.1654. (поротный список) — *«опроче полку»*, горододелец.

Страсбург, Ян (Яган)

22.03.1654 — капитан 8-й роты;

- 26.07.1655 — в списке жалования на июль 1655 г. «иноземцев пушешного наряду, и которые остались за полками» среди капитанов — Яган Страсбурх, с кормом 11 руб. в месяц²¹¹;
- 15.10.1655 — капитан, иноземец огнестрельного дела, с кормом 11 руб. в месяц²¹².
- 08.09.1657 — подполковник «гранатного дела начальных людей»²¹³.

Стуртов, Максим

- 16.02.1654 (черновой и итоговый списки) — кому надлежит быть «в сотниках у пиунер»;
- 22.03.1654 — прапорщик 7-й роты.

Татаринов, Юрий

- Из неверстанных Ярославцев детей боярских;
- 22.04.1654 — сержант, по подписной челобитной А. Гроновского²¹⁴;

Тибик, Семен

- 22.03.1654 (поротный список) — прапорщик 1-й роты;
- 22.03.1654 (чиновный список) — сержант.

Тонкачевской, Меркурей

- 16.02.1654 (черновой и итоговый списки) — кому надлежит быть в сотниках у пиунер;
- 22.03.1654 — прапорщик в 1-й роте;
- октябрь 1655 г. — прапорщик иноземец полка драгунского строя Клавдиуса Деспевия, с кормом 5 руб. 40 коп. в месяц²¹⁵; состоит в роте подполковника²¹⁶;
- конец 1655 г. — прапорщик иноземец полка Деспевия-Юнкмана, с жалованием 5 руб. 39 коп. в месяц, корм на 1 лошадь²¹⁷.

Фалделвих (Фанделвих), Яган (Эверт (Эдварт) Яган)

- 16.02.1654 (черновой список) — «Яган Фалделвих». В списке зачеркнут с пометой, которая восстанавливается с текстом: «написан к Ористу Фамендину».
- весна 1654 г. — капитан полка солдатского строя Ариста Фамендина²¹⁸;

ноябрь 1655 г. — майор солдатского полка Филиппиуса Альбертуса Фанбуковена, с кормом 14 руб. в месяц²¹⁹;
к сентябрю 1656 г. — майор солдатского полка Якова Ронорта²²⁰.

Фанберх (Ванберг) Герард Яган (Гералт Ян, Ян)

22.03.1654 — прапорщик 4-й роты.
октябрь—ноябрь 1655 г. — поручик солдатского полка Рейнила Десели²²¹, с жалованием в 5 руб. 40 коп.
к сентябрю 1656 г. — поручик солдатского полка Адама Гохварта (что был Якова Лесли), в Новом Быхове²²².

Фанбуковен (Ванбуковн, Буков) Корнилис Класен

В окладной книге 1650–51 гг. — ротмистр рейтарского строя, с кормом 7 руб. в месяц, с 9 января 1651 г. — установлен корм на зимнее время на 3 лошади *«против»* остальных ротмистров — *«что он в рейтарском строе бывает безпрестанно конен»*²²³;
В окладной книге 1652–53 гг. — ротмистр рейтарского строя, с кормом 5 руб. в месяц и на 3 лошади²²⁴;
16.02.1654 (черновой список) — *«огнестрельново дела капитан»*
16.02.1654 (итоговый список) — *«Корму ему дают по 10 рублей на месяц, а в Ыноземском приказе написан в ротмистрах»*;
22.03.1654. — майор;
август—октябрь 1655 г. — майор *«за полком»* (?), корму ему дано по 15 руб на каждый месяц²²⁵;
к 21 ноября 1655 г. — майор солдатского полка Андрея Гамолтона, корму дано 15 руб. 50 коп.²²⁶;
к сентябрю 1656 г. — полуполковник солдатского полка Андрея Гамолтона²²⁷;
По окладной книге 7165 г. (с сентября 1656 г.) — подполковнику Корнилиусу Ванбуковену (с кормом 15 руб. в месяц) *«веле-но быть в рейтарском строе в Офонасьеве полку Троурнихта в подполковниках»*²²⁸. Этот полк отправлен в Борисов летом 1657 г. в составе 7 рот рейтар и 2 рот драгун²²⁹.

Фанкерговен, Вилим (Кирков, Керковен, Вилем (Вилен))

Выехал на царскую службу в декабре 1651 года²³⁰.

В окладной книге 1652–53 гг. — капитан, с кормом 7 руб. в месяц²³¹;
16.02.1654. (черновой список) — *«огнестрельного дела капитан»*;
16.02.1654 (итоговый список) — *«огнестрельного дела капитан. Корму ему дают по 7 рублей на месяц, а в Ыноземском приказе написан он в капитанех же»*;
22.03.1654 — *«опроче полку у вымыслов»*, к пушкам уставщик к бою.

Фанкеркговен, Ондrejaн — сын

В окладной книге 1652–53 гг. — *«пушешново дела мастер»*, с кормом 10 денег в день²³²;
16.02.1654 (итоговый список) — *«гранатного дела мастер. Корму ему дают по рублев на месяц марта со 2-го числа»*;
08.09.1657 — прапорщик *«гранатного дела начальных людей»*²³³.

Фанкеркговен, Петр — сын

В окладной книге 1650–51 гг. — поручик рейтарского строя, с кормом 5 руб. 4 гривны в месяц, *«а в Ыноземском приказе написан он в прапорщиках»*;
С 9 января 1651 г. установлен конский корм в зимнее время²³⁴;
В окладной книге 1652–53 гг. — поручик рейтарского строя, с кормом 5 руб. 1 гривна в месяц и на 2 лошади²³⁵;
16.02.1654 (итоговый список) — *«гранатного дела мастер. Корму ему дают по 7 рублей, а в Ыноземском приказе написан он в поручиках»*.

Фанкеркговен, Юст (Юстр) — отец

В окладной книге 1650–51 гг. — среди *«полковых урядников»* рейтарского строя (т.е., за полком), с кормом 8 руб. 1 гривна в месяц — *«капитан и пушечного дела мастер»*;
С 9 января 1651 г. — установлен конский корм на зимнее время, *«что он в рейтарском строе бывает безпрестанно конен»*²³⁶;
До августа 1652 г. *«за полками капитан и гранатного дела мастер»*, с кормом по 10 руб. в месяц, 2 лошади; *«был на Туле на Городище у гранатного дела в мастерах, а дети его Петр и Ондrejaн — там же»*;
1 сентября 1652 г. послан *«в немецкие окрестные государства»* для закупки колесцовых замков к карабинам и пистоям и найма мастеров колесцовых замков;

- 12 июня 1653 г. — приехал и привез *«Ангинские земли полковника Еоргина Кифа, да железнова дела мастеровых людей дву человек с подмастерями»*²³⁷;
- В окладной книге 1652–53 гг. — *«капитан и пушешного дела мастер»*, с кормом 8 руб. 10 коп. в месяц и на 3 лошади, а с 28.08.1652 с кормом 10 руб. в месяц²³⁸;
- 16.02.1654 (итоговый список) — *«гранатного дела мастер. Корму ему дают по 10 рублей на месяц, а в Бноземском приказе написан он в капитанех»*;
- 08.09.1657.— капитан *«гранатного дела начальных людей»*²³⁹.

Фанрозенбах («Ванрознъбак»), Ганс, он же Яган

- 16.02.1654 (черновой список) — Ганс Ванрознъбак *«огнестрельново дела капитан»*;
- 16.02.1654 (итоговый список) — Яган Фанрозенбах *«огнестрельного дела капитан. Корму ему давать не указано»*;
- 23.04.1654 — иноземец Яган Фанрозенбах — ротмистр рейтарского полка Василия Фандроцкого (*«первой тысячи»*)²⁴⁰.
- октябрь 1655 — подполковник рейтарского полка Романа Романова сына Франзбекова (*«пятой тысячи»*), затем Дениса Денисовича Фанвисина²⁴¹ — до конца 1656 г.;
- май 1658 г. — полковник рейтарского строя в Белгородском разряде²⁴².

Флери (Фрели), Матис

- 22.03.1654.— прапорщик 5-й роты;
- к сентябрю 1656 г.— поручик иноземец солдатского полка Юрия Инглеса (с 28 ноября 1656 г.— Федора Отфелдера) в Вильне²⁴³.

Фовин — см. Ян Фовин, Онтон, он же Джон

Форин, Бодвин (Болдвин)

- Выехал в Россию по вызову инженера Яна Корнильева Фанроденбурга, который в 1632 г. добился приезда своей семьи (супруги с детьми и слугами), а также шести подмастерьев, *«которые умеют делать городовое дело»*. Болдвин Форин оказался в числе

этих «*подмастерьев*»²⁴⁴.

По окладной книге 1650–51 гг. — среди «*немцев конных рот, служат по ротам*», в роте Арчбалта Юнгера, «*подкопщик*», с кормом по 4 руб. в месяц, да на 1 лошадь (тогда же существовала другая рота В. Фонвизина)²⁴⁵;

В 1652–53 гг. — в роте немцев конной службы Володимера Фанвизина, «*подкопщик*», с кормом по 4 руб. в месяц, да на 1 лошадь, «*неверстан*»²⁴⁶;

16.02.1654 (черновой список) — «*Подвин — подкопщик*»;

16.02.1654 (итоговый список) — «*Подкопщик Болдвин Форин. Корму ему дают по 4 рубля на месяц*»;

22.03.1654 — в разряде служилых людей «*опроче полку*», «*Горододельцы: Бодвин — пинардищик*»;

Хворой, Семен Иванов сын

22.03.1654 — поручик 9-й роты;

29.08.1654 — расписался за Устина Мещеренинова при получении 4 руб. «*на лечьбу*»²⁴⁷;

В начале сентября 1654 г. — «*поручик туленин Семен Иванов*», который вместе с ротой Августа Мелета шел через Любавическую волость к Дубровне²⁴⁸.

октябрь 1655 г. — поручик из русских людей полка Клавдиуса Деспевия, с кормом 4 руб. 28 коп. в месяц²⁴⁹;

конец 1655 г. — поручик из русских людей полка Деспевия-Юнкмана, с жалованием 4 руб. 30 коп. в месяц²⁵⁰.

Шейдор, Лидор

22.03.1654 (только в чиновном списке) — сержант;

Шулер (Шилер), Готлип (Подгипт)

16.02.1654 (черновой список) — «*огнестрельново же дела капитан... детми у гранатов*»;

16.02.1654 (итоговый список) — «*огнестрельного дела капитан. Корму ему давать не указано*»²⁵¹.

Яковлев, Анисим (Онисим)

16.02.1654 (итоговый список) — рядовой стрелец, прислан из Стрелецкого приказа в подкопщики, определен в сотники у пиунер;

22.03.1654. (поротный список) — *«опроче полку у вымыслов»*, подкопщик, присланный из Стрелецкого приказа;

22.03.1654. (чиновный список) — *«опроче полку»*, горододелец.

Янванберг, — см. Ванберг Гералт Ян

Янс, Курд (Корт Анцов)

В окладной книге 1650–51 гг. — поручик рейтарского строя, с кормом 5 руб. 4 гривны в месяц и с конским кормом;

27 августа 1651 г. — *«Корту Анцову велено быть в рейтарском строе в поручиках»*²⁵²;

22.03.1654 — капитан 7-й роты.

Ян Фовин, Онтоней, он же Джон

Выехал 29 августа 1653 г. в чине поручика²⁵³;

16.02.1654 (черновой список) — *«огнестрельново же дела капитан»*;

16.02.1654 (итоговый список) — *«огнестрельного дела капитан.. Корму ему дают по 6 рублей на месяц, а в Ыноземском приказе написан он в поручиках»*.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Роспись пищалей Большого Наряда при осаде Риги 1656 года

В одном из столбцов Дополнительной описи Разрядного приказа сохранился замечательный документ о распределении пищалей Большого Государева Наряда по батареям и позициям под Ригой. Документ не датирован, и можно лишь предположить, что время его составления — начало осадных работ, 20-е числа августа 1656 г. Источник позволяет говорить не только об организации самого осадного парка, но и об общем командовании осадными работами. К северу от Рижских укреплений, в несколько изолированном положении против старого замка города и более современных укреплений находились полки кн. Я. К. Черкасского. Кроме того, было еще три участка инженерной атаки, локация которых требует дальнейшего уточнения. Это Ертаульный полк стольника П. В. Шереметева²⁵⁴, московские стрелецкие приказы (Государева полка) под началом стольника Ивана Ивановича Кольчева²⁵⁵ и солдатские полки Государева полка под руководством стольника Ивана Богдановича Милославского.

1656, после 24 августа — Роспись пищалей Государева Большого Наряда с «письменными головами», разсланных в разные воеводские полки при осаде Риги

По государеву указу послано к боярину и воеводам ко князю Якову Куденетовичю Черкасскому с товарищи

Голова Давыд Неплюев. А с ним послано пищали галанских: к одной ядро пуд 10 гривенок, а к другой пищали ядро пуд 7 гривенок. И к одной

пищали послано с ним 200 ядер, по пуду по 10 гривенок ядро, а к другой пищали послано с ним 133 ядра, по пуду по 7 гривенок ядро.

Да к нему ж, князь Якову Куденетовичю, послан голова Семен Карсаков, а с ним послано 2 пищали галанских же, по пуду по 10 гривенок ядро, а ядер с ним послано к тем к двум ево пищалем 410 ядер.

Да к нему ж, князь Якову Куденетовичю, послан голова Семен Давыдов, а с ним послано [2] пищали галанских же, по пуду по 7 гривенок ядро, а ядер с ним послано к тем к двум ево пищалем 143 ядра //

Да по государеву ж указу в Яртаульной полк к стольнику и воеводам к Петру Васильеву сын Шереметеву с товарищи послан

Голова Никифор Поленов, а с ним послано 3 пищали рускова литья:

Пищаль Соловей, ядро 25 гривенок,

Пищаль Грановитая, ядро 16 гривенок,

Пищаль Левик, ядро 15 гривенок.

А ядер с ним послано к тем к трем ево пищалем:

К Соловью 160 ядер, да к двум пищалем, к Грановитой да к Левику, 360 ядер: к Грановитой по 16 гривенок ядро, а к Левику по 15 гривенок ядро.

Да по государеву ж указу послан в Ивану Иванову сыну Колычову

Голова князь Дмитрий Волконской, а с ним посланы 2 пищали рускова литья:

Пищаль Аспид, ядро 35 гривенок

Пищаль Барс, ядро 30 гривенок.

А ядер с ним послано: к пищали Асиду 172 ядра, а к Барсу послано с ним 196 ядер.

Да к нему ж, Ивану Колычову, посла[на] // после, по государеву указу, одна пищаль галанская, ядро пу[д...] гривенок, да ядер к ней послано 200 ядер.

Да по государеву ж указу посланы головы в государевы салдацкие полки к Ивану Богданову сыну Милославскому:

Голова Яков Кафтырев, а с ним послано 2 пищали галанских, ядро по пуду по (...) ²⁵⁶ гривенок, да с ним же, Яковом, отпущена пищаль галанская ж, взяв у головы у Не[фе]дья Шишкова, ядро пуд 10 гривенок. А ядер с ним, Яковом, послано к ево к двум пищалем 297 ядер, по пуду по 10 гривенок ядро, да с ним ж, Яковом, отпущено к Нефедьеве пищали Шишкова 185 ядер, по пуду по 10 гривенок ядро.

Да голова Ерофей Полтев, а с ним послано 2 пищали галанских, ядро по пуду по 7 гривенок, а ядер с ним послано х тем к двум ево пищалем 126 ядер.

Да к нему ж, к Ивану Милославскому, х костелу послан

Голова князь Зиновей Вяземской, а с ним послана пищаль Троил, ядро весом пуд, а ядер с ним послано х той ево пищали Троилу 200 ядер, по пуду ядро //

Да к нему ж, к Ивану Милославскому, послан голова Микита Загряской, а с ним послано [2] пищали галанских, ядро по пуду по 18 гри[ве]нок, а ядер с ним послано к тем к д[вум] ево пищалем 400 ядер. И из тех из двух пи[щалей] после послана по государеву указу одна пищаль к Ивану Колычову, да с ним [пос]лано 200 ядер.

Да к нему ж, к Ивану Милославскому, послан голова Аксентей Колтовской, а с ним послано 2 пищали галанских, ядро по пуду по 15 гривенок, а ядер с ним послано к тем к двум ево пищалем 390 ядер.

Да к нему ж, к Ивану Милославскому, послан голова Нефедей Шишков, а с ним послана 1 пищаль галанская, ядро пуд (...) ²⁵⁷ гривенок, а ядер с ним послано х т[ой] ево пищали 200 ядер.

*РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Описание 17.
Дополнительный отдел. № 80. Л. 99–102.*

Ссылки

¹ Пахомов И. Н. Пищальники Василия III // Цейхгауз: Военно-исторический журнал. — 2002. — № 20 (4/2002). — С. 6.

² Полное собрание русских летописей. — М., 2000. — Т. XIII. — С. 209–210.

³ Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 135.

⁴ Parrott D. Richelieu's Army: War, Government and Society in France, 1624–1642. — Cambridge, 2001. — S. 69, 70.

⁵ Шанцекопы («*schanzbauern*»), а «происходящее из французского языка наименование пионер появилось в немецкой языковой области в 18 веке». В баварской армии в начале XVI века имелось несколько «знамён» шанцекопов (Pioniere, Pioniertruppen Sappeure // Wörterbuch zur Deutschen Militärgeschichte. — Berlin, 1985. — Bd. 2. — S. 766, 767, 854).

⁶ Pioniere, Pioniertruppen // Wörterbuch zur Deutschen Militärgeschichte. — Berlin, 1985. — Bd. 2. — S. 766, 767.

⁷ Лапшов С. П. Польско-шведские войны 1621–1622 и 1626–1629 годов: Армии противников. (на правах рукописи) — С. 23.

⁸ Herbst S. Wojna inflancka 1600–02. — Zabrze, 2006. — S. 116, 118 (инженеры: Jan de la Blanc, Jan Ferrario, Jan Baptysta Bercelesi, Robert Konigam).

⁹ Young P. The English Civil War. — Lnd., 1973. — S. 30.

¹⁰ Wimmer J. Wojsko polskie w drugiej polowie XVII wieku. — Warszawa, 1965. — S. 316.

¹¹ Brzezinski R. The army of Gustavus Adolphus. — Ldn, 1993. — Vol. 2. — S. 19 (Men-at-Arms Series, 262).

¹² Picard E. L'artillerie française au XVIIIe siècle. — Berger-Levrault, 1906. — S. 1–3.

¹³ Скобелкин О. В. Западные европейцы на русской военной службе в XVI — 20-х гг. XVII в. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. — Воронеж, 2015. — С. 142.

¹⁴ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 210. Книги Московского стола. № 53. Л. 438; № 54. Л. 401 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1632 год. № 85. Л. 17–21.

¹⁶ Акты исторические, собранные и изданные исторической комиссией. — СПб., 1841. — Т. III. — С. 397, 397 (№ 239). В 1641 г. Т. Винсу исполнилось 30 лет.

¹⁷ Сташевский Е. Д. Смоленская война: Организация и состояние Московской армии. — Киев, 1919. — С. 190–192.

¹⁸ Фан Роденбург не мог отправиться под Смоленск ранее января 1633 г., когда подал челобитную в Пушкарский приказ о награждении «за ростовское городовое дело» (Акты исторические... — Т. IV. — С. 46, 47 (№ 14)).

¹⁹ Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. — СПб., 1853. — Т. 2. — Стб. 436–440.

²⁰ Сташевский Е. Д. Смоленская война... — С. 174, 175.

²¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 33. Л. 99–102.

²² Акты Московского государства. Т. I. — М., 1890. — С. 383, 384 (№ 388).

²³ Сташевский Е. Д. Смоленская война... — С. 167, 169.

²⁴ Аналогичным образом, осадный парк армии Валленштейна в том же 1632 г. охраняла рота венгерских гайдуков (151 чел.). Традиционным вооружением гайдуков были не только кремневые, но и колесцовые ружья: в 1631 г. один из иностранных агентов закупил для русской армии 30 гайдуцких пищалей: «как у поляков бывает в обычае, с колесными замками» (Сташевский Е. Д. Смоленская война... — С. 188).

²⁵ Сташевский Е. Д. Смоленская война... — С. 218–231.

²⁶ Книги разрядные... — Стб. 439, 440.

²⁷ Сташевский Е. Д. Смоленская война... — С. 172, 173.

²⁸ В 1632 г. Арбузов привёз в своем обозе 2100 заступов и лопат, 150 кирок, а по запросам полковников требовалось еще 1450 лопат, 980 заступов и 325 кирок (Сташевский Е. Д. Смоленская война... — С. 177, 178).

²⁹ Курбатов О. А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: Идеиные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2009. — Вып. 1. — С. 196–227.

³⁰ Впрочем, Ян Корнелий Фан Роденбург, как утверждает Даан Лавис, в 1637 г. уехал в Швецию и под именем Йохан ван Роденбург занимался укреплением Риги, Нарвы, Ниена Гётеборга и Эльфсборга (Лавис Д. Голландская крепость в русском городе // Голландская крепость в русском городе: Сборник статей. — М., 2014. — С. 37, 38).

³¹ Яковлев А. И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. — М., 1916. — С. 45.

³² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 875. Л. 184, 186–189.

³³ Бакланова Н. А. Ян де Грон — прожектер в Московском государстве XVII века // Ученые записки Московского института истории. — М., 1929. — Т. 4. — С. 109–122.

³⁴ Подробнее см.: Курбатов О. А. Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2014. — Вып. 3 — С. 98–101.

³⁵ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1651 год. № 14.

³⁶ РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 53. Л. 508.

³⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 234–237.

³⁸ Hedberg J. Kunglig Artilleriet: Carl X Gustafs tid. — Kristianstad, 1982. — S. 108, 109.

³⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 286. Л. 84.

⁴⁰ Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. — СПб., 1852. — Т. III. — Стб. 401, 402.

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 158. Л. 9, 10, 14.

⁴² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 11, 14, 101, 102, 114.

⁴³ Там же. Л. 188, 200. Интересны данные обо всех московских пушкарях на 1 сентября 1654 года: 206 человек под Смоленском, 10 человек в Белгороде у В. Б. Шереметева, 3 человека в Украине с А. В. Бутурлиным, 81 чел. оставлен в Москве. Из последних по причине «морového

поветрия» 24 человека уже погибло, а еще 25 лежат больны. Итого — ровно 300 человек.

⁴⁴ Голландские пищали калибром 1 пуд 15 фунтов имели в своих расчетах по четыре московских пушкаря (Там же. Л. 164).

⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 286. Л. 94, 95, 218, 219.

⁴⁶ Яган Фанделвих переведен в солдатский полк Ариста Фамендина; Николаес Балт (Нилис Балт) по какой-то причине в росписи зачеркнут, но в итоге вновь оказался в полку Грановского в качестве капитана 4 роты; то же произошло с Яном Родонбургом (Ан Ванротенбург), похоже, родственником Яна Корнильева Фанроденбурга.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 370 (черновая роспись), 374, 376, 378–381 (итоговая роспись).

⁴⁸ Известно, что Дмитрий Федорович и Василий Дегилбовы к началу 1650-х гг. служили офицерами в приказе Тульского драгунского строя, а к 1655 г. перешли в солдатский полк полковника Ягана Бутлера (РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 53. Л. 580, 584; № 54. Л. 573, 579; № 34. Л. 347 об, 351 об).

⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 371, 382.

⁵⁰ Лобин А. Н., Смирнов Н. В. Борьба за Юрьев Ливонский в годы русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая Международная научно-практическая конференция, 18–20 мая 2011 года. — СПб., 2011. — Ч. I. — С. 535, 536.

⁵¹ Записные книги Московского стола // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. — СПб., 1884. — Т. 9. — С. 575.

⁵² Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки АН СССР. — М., 1938. — Т. 4. — С. 277; Марголин С. Л. Вооружение стрелецкого войска // Военно-исторический сборник Государственного Исторического музея. — М., 1948 (Труды ГИМ. Вып. XX). — С. 97.

В 1654–1655 гг. московские стрельцы приказа Леонтия Азарьева, в войске кн. А. Н. Трубецкого, были поголовно вооружены «пищальми з жаграми» — то есть, с фитильными замками (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 274. Л. 169.)

⁵³ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 86 Ч. I. Л. 237. Запись датируется по упоминанию о наборе 3600 ч. в рейтарский строй, что связано с указом

от 7 марта 1654 г. (подробнее см.: Курбатов О. А. Очерк истории конных полков... — С. 104).

⁵⁴ Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–58 гг. // Архив русской истории: Сборник Российского государственного архива древних актов. — М., 2007. — Вып. 8. — С. 157–197.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 153. Л. 58, 59, 341, 343.

⁵⁶ Там же. Л. 237 (возможно, глагол «покупали» относится и к шанцевому инструменту — точка поставлена произвольно).

⁵⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 78.

⁵⁸ Смета военных сил великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII — пер. пол. XVIII веков. — М. 1989. — С. 20–23.

⁵⁹ На основании списка имен «нетчиков» полка Клавдиуса Деспевия 1655 г., а также именного списка двух рот, оставленных в гарнизоне Кокенгаузена после взятия крепости в 1656 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 56–66, 144–161).

⁶⁰ Реляция о военном походе его царского величества Алексея Михайловича в Литву против польского короля Яна Казимира, 1654 г. (перевод с польского) // Витебская старина. — Витебск, 1888. — Т. 4. — Отд. 2. — С. 348, 349.

⁶¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 365, 372, 385, 557.

⁶² Там же. Л. 384.

⁶³ Там же. Л. 368.

⁶⁴ Там же. Л. 790 (челобитная о жаловании за июнь («со товарищи»), перед отправкой в Вязьму к Грановскому).

⁶⁵ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. — М., 1975. — С. 406.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 234–237.

⁶⁷ Там же. Л. 557.

⁶⁸ В списке начальных людей полка Грановского от 16 февраля есть позднейшая помета над именем Делакоста: «Государь указал быть ему [...]тно (?), а Онтону Грановскому ни в чем ево не ведать» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 370). Возможно, она была внесена в связи с челобитной капитана (3 мая 1654 г.) — см. Приложение.

⁶⁹РГАДА. Ф. 210. Записные книги Московского стола. № 9. Л. 10, 10 об.

⁷⁰Имеются в виду укрепления, выстроенные полками кн. С. В. Прозоровского при осаде Смоленска в 1633 г.

⁷¹РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 124; пометы на обороте: «Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси»; «Государю чтена»; «162-го июня в 28 день с Невежею Самариным».

⁷²РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 37, 188; Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 234–238.

⁷³РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 101, 102, 114–117, 137, 138.

⁷⁴Там же. Л. 199.

⁷⁵Там же. Л. 230, 231.

⁷⁶24 июля двое драгун Грановского были взяты в плен смолянами «на отхожем карауле», а еще один — 6 августа при вылазке гарнизона (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 283. Л. 115, 116).

⁷⁷Дворцовые разряды... — Стб. 442.

⁷⁸РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 283. Л. 149, 149 об.; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 42567. Л. 1.

⁷⁹В начале летнего похода 1655 г. он находился в Орше под охраной 3 рот полка К. Яндера (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 42539. Л. 1, 2).

⁸⁰РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 144–161.

⁸¹РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 86. Ч. 1. Л. 234, 238, 240 (данные росписи полковников по воеводским полкам относятся к 1655 г.).

⁸²РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 225–230; Ф. 150. Описание 1. Л. 56.

⁸³Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656–58 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. — М., 2002. — С. 150–166; Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. — СПб., 1894–1901. — Т. 2: Разрядный приказ. Московский стол (1635–1659). — С. 433, 625; — Т. 3: То же (1660–1664). — С. 170; Матерьялы для истории медицины в России, Вып. 3. — СПб., 1884. — С. 681; Gründliche und warhaftige Relation von der Belagerung der Konigl. Statt Riga in Liefland. — Riga, 1657. — S. 28.

⁸⁴Подробнее см.: Курбатов О. А. Очерк истории конных полков... — С. 103, 109, 110, 113, 114.

⁸⁵«Цесарский поруччик Яган Польшман» и Яган Страсбург выехали на царскую службу в начале 1654 г. (РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1654 год. № 1).

⁸⁶РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 42568. Л. 1, 2.

⁸⁷Гордон П. Дневник. 1659–1667.— М., 2003.— С. 131.

⁸⁸РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 42545. Л. 1, 1 об.

⁸⁹Приближённый царя московский ловчий Афанасий Матюшкин 19 августа 1654 г. сообщил царю об отправке к Смоленску четырех голландских пищалей калибром 1 пуд 15 фунтов, а остальной Наряд из Вязьмы «поднять некем и нечем»; 1 сентября он спрашивал царя: «С остальными пищальями идти или дожидаться [присылки из Москвы новых боеприпасов]?» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 161–165).

⁹⁰РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 270. Ст. 1. Л. 233.

⁹¹РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 270. Ст. 1. Л. 12, 28, 146–148.

⁹²Курбатов О. А. Организация и боевые качества... — С. 181.

⁹³В полк К. Яндера из полка Грановского в 1655 г. перешли подполковник Виган Крюгер (петардщик) и капитаны Александр Копев и Христиан Клик. Но такие же иноземцы со специальностями поступили на вакансии в другие солдатские регименты: капитан-поручик Иван Роденбурх — капитаном в полк генерала Аврама Лесли, а поручик Устин Мещеринов — капитаном же в новоприборный полк Владимира Вайта (РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 34. Л. 77, 392, 397, 399, 400 об.). Все эти регименты (Яндера, Вайта и А. Лесли), подобно драгунам Грановского-Деспевилля, организационно состояли в Государевом полку, что облегчало заполнение вакансий для драгунских офицеров.

⁹⁴РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 270. Ст. 1. Л. 45–47.

⁹⁵Упоминаются пищали «Онагр», «Скоропей» и «Сапега» (Там же. Л. 173).

⁹⁶РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 270. Ст. 1. Л. 12, 29, 104, 188, 189; РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. № 102. Л. 53; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 42539. Л. 1, 2.

⁹⁷РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 270. Ст. 1. Л. 50 об.

⁹⁸Флоря Б. Н. От Потопа до Вильна. Русская политика по отно-

шению к Речи Посполитой в 1655–1656 гг. // *Kwartalnik Historyczny. Rocznik CX.* — 2003. — 2. — С. 25–49.

⁹⁹ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук — СПб., 1894. — Т. 2. — С. 484, 505.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. № 83. Л. 36, 47, 60.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 20, 21, 398.

¹⁰² Перечень составлен на основании росписи орудий и дворянских голов у Наряду при осаде Риги (РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. № 80. Л. 99–102). Одно орудие под вопросом, из-за повреждения документа: третьего или четвертого типа (может быть 7 орудий 3-го и 5–4-го типа).

¹⁰³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 296. Л. 277.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 57. Л. 6 об., 309 об.

¹⁰⁵ Письма русских государей и других особ царского семейства. — М., 1896. — Вып. 5: Письма царя Алексея Михайловича. — С. 61, 62.

¹⁰⁶ Englund P. *Nepřemožitelný Historie první severní války.* — Praha, 2003. — С. 365.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 870. Л. 273 (дата на Л. 264).

¹⁰⁸ Hedberg J. *Kunglig Artilleriet...* — С. 108, 109.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. № 80. Л. 125, 132.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 42554.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 270. Ст. 1. Л. 188, 189.

¹¹² В перечнях раненых под Ригой в шанцах бойцы Томаса Бели — «солдаты» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 296. Л. 195, 196, 245–249)

¹¹³ Уже в сентябре 1655 г. борисовскому воеводе А. Еропкину было указано делать земляной или деревянный город, «поговоря о том с полковником и с сынжениором» — имелся в виду Томас Бели (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 270. Л. 86)

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 57. Л. 339–347; Там же. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 270. Ст. 1. Л. 378–388.

¹¹⁵ Список начальный людей приведён в кормовой книге Иноземского приказа на 7165 год (РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 57. Л. 41–55)

¹¹⁶ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук.— СПб., 1894.— Т. 2.— С. 342; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 20, 21, 398.

¹¹⁷ При осаде Мстиславля в начале 1659 г. «маеор вместо головы Михайло Петров сын Колупаева» командовал приказом в 4 сотни стрельцов (ок. 220 чел.) и был ранен на приступе к городу 21 февраля (РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 24. Л. 388–406, 426–430); в декабре 1659 г. был в сеунщиках по взятии Старого Быхова (Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук.— СПб., 1894.— Т. 2.— С. 673, 683); в 1660 г. уже в звании «полуполковника стрельческих дел» с приказом московских стрельцов в армии кн. Ю. А. Долгорукова, а в 1661 г. переброшен с тем же приказом (5 сотников, 173 стрельца) в Полоцк (Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук.— СПб., 1901.— Т. 3. С. 334, 388, 408).

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 20, 21.

¹¹⁹ Гордон А. Дневник 1690–1695.— М., 2014.— С. 323, 325, 348.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. № 102. Л. 39 об.

¹²¹ Carlon M. Ryska Kriget 1656–58.— Stockholm, 1903.— S. 103–105.

¹²² Об обстоятельствах этого совета, с ошибкой во времени его проведения, подробно сообщает П. Гордон (Гордон П. Дневник. 1635–1659.— М., 2000.— С. 103).

¹²³ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук.— СПб., 1894.— Т. 2.— С. 556.

¹²⁴ Левыкин А. К. Пушечный наряд и пушкари во второй пол. XVII в. в России (По материалам южнорусских городов): Дисс. канд ист. наук.— М. 1985.— С. 139.

¹²⁵ Собственно, во многом именно такой сценарий и был разыгран при взятии Риги шведами в 1621 году (Лапшов С. П. Польско-шведские войны... — С. 23).

¹²⁶ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук.— СПб., 1901.— Т. 3.— С. 65.

¹²⁷ Там же.— С. 104, 105.

¹²⁸ Там же.— С. 447–450.

¹²⁹ Hedberg J. Kunglig Artilleriet...— S. 105, 106, 111.

¹³⁰ «Перевод с галансково письма... что всякому уряднику в ратном строе подобает ведать. И против тех вопросов — ответ» / Публ.

[и примеч.] А. Малова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. — М., 1995. — Т. VI. — С. 7–9.

¹³¹ Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. — М., 1911. — С. 19.

¹³² Новомбергский Н. Врачебное строение в допетровской Руси. — Томск, 1907. — С. 232–234.

¹³³ Один из более поздних эпизодов — обучение гранатному делу по иноземным книгам некоего еврея-новокрещена Иакова при полку Миколая Бовмана — выявлен и описан в публикации недавнего времени (Фельдман Д. З. Редкий документ о службе выкреста-еврея в русской армии во второй половине XVII в. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2009. — Вып. 1. — С. 148–152).

¹³⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1632 год. № 85. Л. 1, 2, 4, 17–21; Сташевский Е. Д. Смоленская война... — С. 190–192.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 875. Л. 56.

¹³⁶ Слово «начальново» вписано над строкой.

¹³⁷ Слово «туры» вписано над строкой.

¹³⁸ Фраза в круглых скобках вписана на полях письма — видимо, это позднейшее устное пояснение Николая.

¹³⁹ Фраза от слова «Государь» вписана над строкой.

¹⁴⁰ Имя и фамилия вписаны в список над строкой, а затем зачеркнуты.

¹⁴¹ Вся помета от слова «написан» размещена на поле документа; имя Ариста Фамендина восстановлено по смыслу, на основании документов весны 1654 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. И 867. Л. 358).

¹⁴² Имя в списке зачеркнуто.

¹⁴³ В данном случае, по смыслу и на основании следующего списка, должна быть фраза: «Юст Фанкерковен с детьми — у гранатов».

¹⁴⁴ Судя по второму списку, следует восстановить имена: «Онтон Янфавин, Джон он же», и «Нилис Балт (Николаес Балк)».

¹⁴⁵ Судя по второму списку, следует восстановить имена: «Ермей Ницки» и «Яков Без».

¹⁴⁶ Далее зачеркнуто «по 4 гривны на месяц».

¹⁴⁷ Далее зачеркнуто «по 2 алтына на день».

¹⁴⁸ Вся фраза о Нилисе Балте зачеркнута.

¹⁴⁹ Строка вписана позже другими чернилами.

¹⁵⁰ Далее зачеркнуто: «указал».

¹⁵¹ Имя вписано над строкой.

¹⁵² РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 34. Л. 75 об.

¹⁵³ Там же. Столбцы Московского стола. № 870. Л. 273 (дата на Л. 264).

¹⁵⁴ Скобелкин О. В. Западные европейцы... — С. 142.

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 53. Л. 438; № 1654. Л. 401 об.

¹⁵⁶ Там же. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 346.

¹⁵⁷ Там же. Книги Московского стола. № 1654. Л. 458.

¹⁵⁸ Там же. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 790 (челобитная о жаловании за июнь («со товарищи»), перед отправкой в Вязьму к Грановскому).

¹⁵⁹ Там же. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 783, 803 (его челобитные о жаловании 19 мая).

¹⁶⁰ Записные книги Московского стола... — С. 575.

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 396. Описание 1. № 4216545. Л. 1, 1 об.

¹⁶² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 870. Л. 273 (дата на Л. 264).

¹⁶³ Там же. Книги Московского стола. № 53. Л. 564, 564 об.

¹⁶⁴ Там же. Книги Московского стола. № 34. Л. 444 об.

¹⁶⁵ Там же. Книги Московского стола. № 57. Л. 182 об.

¹⁶⁶ В ноябре 1655 г. в полку Рейнила Дессели числились капитаны Агапий Иванов сын и Алексей Богданов сын Даниловы (РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 34. Л. 521 об., 522 об.)

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 53. Л. 566, 566 об.

¹⁶⁸ Там же. Книги Московского стола. № 54. Л. 532.

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 396. Описание 1. № 42568. Л. 1.

¹⁷⁰ Архив Военно-исторического Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Кн. № 4. Л. 130. (благодарю за эту информацию А. Н. Лобина)

¹⁷¹ В окладных книгах Иноземского приказа 1650–1651 и 1652–1653 гг. — в Тульском драгунском строе Василия Голохвостова прапорщик Дмитрий Федоров сын Дегилбов (300 четвертей, 15 рублей, корм 5 руб. 4 гривны в месяц и на 2 лошади) и подпрапорщик Василей Дегилбов

(корм 60 алтын в месяц, 1 лошадь (РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 53. Л. 580, 584; № 54. Л. 573, 579). В ноябре 1655 г. капитан Дмитрией и поручик Василей Дигилбовы числятся в полку Я. Бутлера (РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 34. Л. 347 об, 351 об.)

¹⁷² РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 34. Л. 56.

¹⁷³ Там же. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 227.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 42568. Л. 1.

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 371, 382.

¹⁷⁶ Там же. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 371.

¹⁷⁷ Там же. Книги Московского стола. № 34. Л. 60 об.

¹⁷⁸ Там же. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 230.

¹⁷⁹ Там же. Книги Московского стола. № 34. Л. 52 об.

¹⁸⁰ Там же. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 226.

¹⁸¹ Там же. Книги Московского стола. № 34. Л. 400 об.

¹⁸² Там же. Книги Московского стола. № 57. Л. 230.

¹⁸³ Там же. Книги Московского стола. № 52. Л. 524–544 об.

¹⁸⁴ Там же. Книги Московского стола. № 34. Л. 399.

¹⁸⁵ Там же. Книги Московского стола. № 57. Л. 230.

¹⁸⁶ Там же. Книги Московского стола. № 34. Л. 397.

¹⁸⁷ Там же. Книги Московского стола. № 57. Л. 228.

¹⁸⁸ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 24.

¹⁸⁹ Там же. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 372 (челобитная).

¹⁹⁰ Там же. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 384.

¹⁹¹ Там же. Книги Московского стола. № 54. Л. 16549.

¹⁹² Там же. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 557.

¹⁹³ Там же. Столбцы Приказного стола. № 283. Л. 149, 149 об.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 42567. Л. 1.

¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 34. Л. 392.

¹⁹⁶ Там же. Книги Московского стола. № 57. Л. 85.

¹⁹⁷ Там же. Книги Московского стола. № 54. Л. 561, 562, 564 об.

¹⁹⁸ Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 199.

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 42568. Л. 1.

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 54. Л. 561, 562, 564 об.

²⁰¹ Hedberg J. Kunglig Artilleriet... — S. 108, 109.

²⁰² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 233.

²⁰³ Hedberg J. Kunglig Artilleriet... — S. 108, 109.

- ²⁰⁴ РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 34. Л. 87.
- ²⁰⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 42568. Л. 1.
- ²⁰⁶ РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 34. Л. 67.
- ²⁰⁷ Там же. Столбцы Московского стола. № 870. Л. 273 (дата на Л. 264).
- ²⁰⁸ Там же. Книги Московского стола. № 34. Л. 77.
- ²⁰⁹ Там же. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 557.
- ²¹⁰ Там же. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 161.
- ²¹¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 42568. Л. 1.
- ²¹² РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 34. Л. 66 об.
- ²¹³ Там же. Столбцы Московского стола. № 870. Л. 273 (дата на Л. 264).
- ²¹⁴ Там же. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 385.
- ²¹⁵ Там же. Книги Московского стола. № 34. Л. 60 об.
- ²¹⁶ Там же. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 157.
- ²¹⁷ Там же. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 229.
- ²¹⁸ Там же. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 358.
- ²¹⁹ Там же. Книги Московского стола. № 34. Л. 413.
- ²²⁰ Там же. Книги Московского стола. № 57. Л. 95.
- ²²¹ Там же. Книги Московского стола. № 34. Л. 7 об., 526.
- ²²² Там же. Книги Московского стола. № 57. Л. 246.
- ²²³ Там же. Книги Московского стола. № 53. Л. 505.
- ²²⁴ Там же. Книги Московского стола. № 54. Л. 469.
- ²²⁵ Там же. Книги Московского стола. № 34. Л. 67 об. (жалование 15 октября получил с августа).
- ²²⁶ Там же. Книги Московского стола. № 34. Л. 552.
- ²²⁷ Там же. Книги Московского стола. № 57. Л. 26.
- ²²⁸ Там же. Книги Московского стола. № 57. Л. 364.
- ²²⁹ Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа Тайных дел 7165–7183. М., 1908. С. 19.
- ²³⁰ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1651 год. № 14.
- ²³¹ РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 54. Л. 535.
- ²³² Там же. Книги Московского стола. № 54. Л. 16548.
- ²³³ Там же. Столбцы Московского стола. № 870. Л. 273 (дата на Л. 264).
- ²³⁴ Там же. Книги Московского стола. № 53. Л. 509.
- ²³⁵ Там же. Книги Московского стола. № 54. Л. 476.
- ²³⁶ Там же. Книги Московского стола. № 53. Л. 528.
- ²³⁷ Там же. Столбцы Московского стола. № 867. Л. 206–209.

²³⁸ Там же. Книги Московского стола. № 54. Л. 534.

²³⁹ Там же. Столбцы Московского стола. № 870. Л. 273 (дата на Л. 264).

²⁴⁰ Там же. Столбцы Московского стола. № 907. Л. 1–89 об.

²⁴¹ Там же. Книги Московского стола. № 56.

²⁴² Там же. Столбцы Белгородского стола. № 605. Л. 106–113.

²⁴³ Там же. Книги Московского стола. № 57. Л. 257 об.

²⁴⁴ Сташевский Е. Д. Смоленская война... — С. 190–192.

²⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 53. Л. 447.

²⁴⁶ Там же. Книги Московского стола. № 54. Л. 408.

²⁴⁷ Там же. Столбцы Приказного стола. № 283. Л. 149 об.

²⁴⁸ Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 199.

²⁴⁹ Там же. Книги Московского стола. № 34. Л. 53 об.

²⁵⁰ Там же. Столбцы Московского стола. № 864. Л. 227.

²⁵¹ В ноябре 1655 г. отмечается в документах Фан Шулер, Иван — капитан солдатского полка Юрия Кита (РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 34. Л. 103 об.)

²⁵² РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 53. Л. 509, 509 об.

²⁵³ Там же. Книги Московского стола. № 54. Л. 567.

²⁵⁴ По спискам раненых П. В. Шереметева, у него под командой находились драгуны Х. Юнкмана (бывший полк А. Грановского), а также часть полка Д. Краферта из Большого полка кн. Черкасского (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 296. Л. 33, 34). Похоже, что его участок примыкал к позициям кн. Я. К. Черкасского с одной стороны (с южной), и к шанцам солдатских полков И. Б. Милославского — с другой.

²⁵⁵ Согласно спискам раненых «полку стольника Ивана Иванова сына Колычова», в его состав входили приказы С. Полтева, И. Нелидова (В. Пушешникова), И. Баскакова, О. Костяева и драгунский или солдатский полк Томаса Бели (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 296. Л. 190–196). Исходя из этого, можно предположить, что участок атаки полка Колычева начинался от З. Двины и далее на северо-восток, южнее рижских укреплений.

²⁵⁶ Число пропущено в росписи.

²⁵⁷ Число пропущено в росписи.